

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

г. XLIII

№ 36

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1912

Выданъ 8-го сентября 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. А. Фета“ кн. 5.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:
ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, **А. А. ФЕТА,**
А. И. КУПРИНА, **Оскара УАЙЛЬДА.**

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.

Г. Ройеръ. Сжиганіе водорослей.

Тайна.

Разсказъ Н. Олигера.

(Продолженіе).

III.

— Посмотри, — сказала Аверкіевъ: — какъ твоя прачка воротнички гладить. Нагладила складкой, а потомъ это мѣсто протрется, и будетъ дырочка.

Ульяна Мионовна сидѣла передъ зеркаломъ въ спальнѣ и расчесывала на ночь волосы. Волосы у нея были еще густые и хорошіе. Потрескивали и топорщились, когда Ульяна Мионовна проводила по нимъ гребенкой.

— Можно поискать другую. Только едва ли будетъ лучше. Эта, по крайней мѣрѣ, добросовѣстная: никакихъ кислотъ не кладетъ въ бѣлье.

— Тоже неизвѣстно еще... Потомъ, можетъ-быть, сразу все и развалится.

Аверкіевъ положилъ снятый воротничокъ вмѣстѣ съ галстукомъ на женинъ туалетъ, сѣлъ на кровать и, слегка покряхтывая, потому что мѣшало отросшее брюшко, принялся снимать сапоги.

— Думаю я, что ничего не выйдетъ съ этими новыми проектами. Акціонеры не пойдутъ на рискъ, да и правительство можетъ не утвердить устава.

— У него, ты говорилъ, есть заручка въ совѣтѣ?

— Чтò же — совѣтъ? Пока не пройдетъ черезъ особое совѣщаніе... Да мнѣ-то, впрочемъ, все равно. Слава Богу, акціями мы не владѣемъ, а если дивидендъ и вырастетъ, такъ едва ли прибавятъ содержанія. Въ лучшемъ случаѣ наградами отдѣляются.

— Хорошо, если бы прибавили жалованья. Пока, конечно, хватаетъ и даже остается, но когда начнемъ учить Олюшу...

— И тогда хватить. Вѣдь было же у насъ двое — и хватало. Даже два раза за границу ѣздили. Правда, это ужъ больше на твое приданое.

— Было двое. А теперь?

Аверкіевъ стащилъ наконецъ башмакъ съ лѣвой ноги и, остановленный вопросомъ, вытянулъ разутую ногу, а башмакъ положилъ на одѣяло:

— Чтò такое: теперь?

Ульяна Мионовна доплела косу, обернула ее кольцомъ вокругъ затылка:

— Ты же понимаешь, о чемъ я говорю.

— Не... не совѣмъ! — протянулъ Аверкіевъ.

Днемъ, на людяхъ, жена отнеслась къ новой дѣвчкѣ очень радушно и привѣтливо. Но, можетъ-быть, это было именно только такъ на людяхъ. Теперь Аверкіеву хотѣлось основательно позондировать почву наединѣ, безъ всякихъ постороннихъ вліяній въ родѣ Максима Петровича. А въ этомъ случаѣ, какъ онъ хорошо зналъ, было лучше всего поменьше разспрашивать и побольше предоставлять говорить самой Ульянѣ Мионовнѣ.

Та, кажется, тоже чего-то ждала и не хотѣла высказываться. Искоса взглянула на мужа и сказала только:

— Зачѣмъ ты пыльные сапоги кладешь на одѣяло?

Аверкіевъ послушно сунулъ башмакъ подъ кровать и вздохнулъ.

— Ты какой-то сегодня... разваренный. Желудокъ у тебя хорошо работаетъ?

— Хорошо. И вообще — я ничего. Не знаю, почему тебѣ кажется.

Раздѣлся и легъ, натянувъ до подбородка старое, привычное одѣяло, связанное еще покойной матерью. Ульяна Мионовна беззвучно, какъ кошка, ходила по комнатѣ, прибирала какія-то мелочи, повѣсила въ зеркальный шкафъ снятое платье. И, не дождавшись отъ мужа подходящей реплики, сама вернулась къ только-что затронутому вопросу.

— Расходы вмѣстѣ съ дѣтьми растутъ, это ужъ чтò говорить. Даже какіе-нибудь башмаки съ каждымъ годомъ все дороже и дороже покупать приходится.

— Да вѣдь хватить же! — сказалъ мужъ и немножко откинулъ одѣяло.

— Въ хорошей частной гимназій за одно право ученія меньше трехсотъ не берутъ. Вотъ тебѣ за двоихъ уже шестьсотъ рублей

въ годъ. Да гувернантка, да платья, да учебники. Придется, пожалуй, квартиру занять поменьше и подешевле, безъ электричества.

— Такъ ты все-таки думаешь..

— Я пока еще ничего не думаю, но нужно быть готовымъ ко всякой случайности. Посуди самъ: если родители или родственники такъ и не лягутся, такъ не сбудешь же ты ее въ какой-нибудь пріютъ.

— Отчего же? — негромко возразилъ Аверкіевъ, натягивая одѣяло до самого носа. — Мы вѣдь не принимали на себя никакихъ обязательствъ. Это во всякую минуту можно сдѣлать.

— Вотъ чего я не люблю, такъ это когда ты съ умнымъ видомъ начинаешь глупости говорить.

— Но разъ ты жалуешься, то, значить, ты и сама должна такъ думать...

— Ничего это не значить. Просто я предусмотрительна и думаю о будущемъ. А ужъ твою натуру я знаю: сначала сдѣлаетъ что-нибудь, не подумавъ, а потомъ кается.

— Я думалъ, Улечка. Честное слово, думалъ. Но всего заранѣе нельзя предвидѣть. Развѣ можно было предполагать, что она такая... ну, странная, что ли...

— Ты знаешь, на ней бѣлье очень хорошее надѣто, тонкое и съ кружевами. Мы нашей Вѣрочкѣ никогда такого не шили. И сама она такая чистенькая, выхоленная.

Аверкіевъ повернулся на бокъ, чтобы удобнѣе было слѣдить за выраженіемъ лица жены.

— Чистенькая, да? Это хорошо, что чистенькая. Стало-быть, изъ хорошаго дома.

— Ничего она не говоритъ о своемъ домѣ.

— Видишь ли, Улечка... Я уже и объ этомъ думалъ... Можетъ-быть, это просто отъ самолюбія. Съ одной стороны — отъ самолюбія, а съ другой — стѣсняется еще. Есть такія натуры, которыя не любятъ жаловаться.

— Такъ вѣдь не жаловаться, а рассказать только.

— А, можетъ-быть, это одно и то же? Можетъ-быть, ей дома-то совѣмъ не такъ хорошо было? Вѣдь не вся же суть въ бѣльѣ съ кружевами да ваннѣ два раза въ недѣлю... Мы ничего не знаемъ, Улечка, и ни о чемъ не можемъ догадываться. Надо потерпѣть.

Ульяна Мионовна, не отвѣчая, вышла въ сосѣдную комнату, гдѣ спали дѣти. Пробыла тамъ долго, и, хотя Аверкіевъ сейчасъ не видѣлъ ее, по представлялъ себѣ очень ясно, какъ она стоитъ надъ кроватью новой дѣвочки, смотритъ внимательно на спокойное спящее лицо и хмуритъ брови, такъ что на гладкомъ лбу собираются три тоненькихъ вертикальныхъ складочки. И Аверкіеву было досадно при мысли, что женщины, даже самыя близкія въ физическомъ, грубо-матеріальномъ смыслѣ, почти никогда не могутъ такъ же тѣсно слиться съ мужчиной и духовно.

„Чтò же это такое? — думалъ онъ почти вслухъ, ворочаясь на своемъ пружинномъ матрацѣ, который вдругъ сдѣлался жесткимъ и неудобнымъ. — Все не такъ, какъ мнѣ казалось, все иначе“.

Жена вернулась — улыбающаяся.

— Она такъ славно спитъ. Хорошенькая, какъ картинка. И дышитъ глубоко, ровно. Мнѣ кажется, что она просто — ребенокъ, самый обыкновенный ребенокъ. И я, знаешь ли, очень рада.

— Да? — весело переспросилъ Аверкіевъ и облегченно вздохнулъ всей грудью, такъ что даже старенькое одѣяло само собой сползло до пояса. — Вотъ теперь я чувствую, что ты говоришь откровенно.

И вдругъ засмѣялся:

— А хороши же мы съ тобой, Улинъка! Сами-то не лучше дѣтей... Строимъ какіе-то планы и расчеты, а кончится всего вѣроятнѣе тѣмъ, что подѣдетъ завтра въ каретѣ какая-нибудь расфуфыренная дама, процѣдитъ сквозь зубы „мерси“, возьметъ Катю за руку и уведетъ ее съ собой. Она — аристократка, наша Катя, настоящая аристократка. И, какъ таковая, не желаетъ открывать свою душу передъ нами, несчастными плебеями.

Ульяна Мироновна нетерпѣливо передернула полными бѣлыми плечами:

— Опять ты... Съ тобою сегодня говорить невозможно. Когда я вошла въ дѣтскую и увидѣла еще разъ, что Вѣрочкина кроватка занята — мнѣ сначала сдѣлалось немножко горько, но потомъ я обрадовалась. Если Катя останется — я, конечно, не въ состояніи буду любить ее совсѣмъ такъ, какъ нашу Вѣрочку. Но я думаю все-таки, что материнскаго чувства во мнѣ достаточно.

„Такъ вотъ оно что! — догадался Аверкіевъ. — Доктора давно уже сказали Ульянѣ Мироновнѣ, что дѣтей у нея больше не будетъ. А силы и страсти материнства было еще такъ много въ этомъ крѣпкомъ и здоровомъ, хотя и немножко рыхломъ, тѣлѣ. — Такъ вотъ что! У кошки однажды отобрали котятъ и дали ей воспитывать цыпленка, обыкновеннаго цыпленка. И кошка воспитала“.

Больше ничего не говорили въ эту ночь о новой дѣвочкѣ; но Аверкіевъ долго еще не могъ уснуть, смотрѣлъ широко открытыми глазами въ ночную мглу, едва смягченную огонькомъ ночника, — и думалъ. А это случалось съ нимъ рѣдко, очень рѣдко.

IV.

По заламъ банка разносили на огромномъ подносѣ чай, — жидкій, тепловатый, съ запахомъ и вкусомъ распареннаго баннаго вѣника. Въ этотъ часъ дня кліентовъ являлось совсѣмъ мало, и служащіе пользовались свободной минутой, чтобы немножко перекусить и размять онѣмѣвшіе отъ работы члены.

Аверкіевъ досталъ изъ конторки завернутые въ бумажку два бутерброда, которые каждое утро собственноручно готовила ему Ульяна Мироновна, и, разложивъ поверхъ дѣловыхъ бумагъ какую-то ненужную вѣдомость, принялся завтракать.

Напротивъ, по другую сторону двойной конторки, сидѣлъ на высокомъ табуретѣ Максимъ Петровичъ и ничего не ѣлъ, а только прихлебывалъ теплый чай, смягчивъ его отвратительный вкусъ ломтикомъ лимона. Максимъ Петровичъ былъ вообще воздержанъ въ пищѣ, — отчасти благодаря катарру желудка, а отчасти и потому еще, что считалъ воздержаніе необходимымъ условіемъ процвѣтанія духовной жизни.

— Сегодня недѣля! — сказалъ Максимъ Петровичъ и, такъ какъ Аверкіевъ ничего не отвѣтилъ, повторилъ еще разъ, придавливая лимонъ ложечкой: — сегодня недѣля, какъ нашлась дѣвочка.

— Да, недѣля! — согласился Аверкіевъ, машинально взглядывая на излюбленный всѣми банками и конторами отрывной календарь, каждый листъ котораго былъ величиною съ трехкопеечную газету. — Послѣзавтра праздникъ. Приходите пораньше. вмѣстѣ пообѣдаемъ, а потомъ сразимся въ шахматы. Вы еще имѣете реваншъ за ту партію, помните?

Максимъ Петровичъ утвердительно кивнулъ головой, потомъ мечтательно пригладилъ блѣдными пальцами свои жидкіе и съ просѣдью, но длинные волосы:

— Я помню. То былъ особенный вечеръ, и воздухъ представлялся мнѣ положительно переполненнымъ флюидами. И подумать только, что я тогда ничѣмъ не использовалъ такую благоприятную обстановку. Знаете, иногда ужасно тяжело сознавать себя сѣрой посредственностью. Въ чемъ сила таланта? Въ томъ, что онъ во всякій данный моментъ инстинктивно извлекаетъ все возможное изъ окружающихъ обстоятельствъ. Мы, сѣрые, проходимъ мимо сокровища и только потомъ спохватываемся, а онъ — подбираетъ. Если бы во мнѣ была хотя искорка таланта, я повернулъ бы вверхъ дномъ все наше ученіе. То-есть, разумѣется, не въ смыслѣ разрушенія, но обновилъ бы, углубилъ и исправилъ многое... Да что вы думаете — религія? Развѣ человѣчество не нуждается въ новой религіи? Все дѣло только за пророкомъ, за глашатаемъ, который возвѣстилъ бы новыя божественныя истины... Григорій, дайте еще стаканъ чаю! Лимонъ можете оставить тотъ же самый.

— Я полагалъ до сихъ поръ, что разъ истины — божественны, то, стало-быть, онѣ и вѣчны. Нѣтъ ни новыхъ ни старыхъ! — вяло промямлилъ Аверкіевъ.

Спорить не хотѣлось — и въ то же время жалко было обидѣть Максима Петровича, оставивъ его совсѣмъ безъ отвѣта и лишая этимъ удобнаго предлога развивать дальше свои мысли.

— Божественная истина, взятая абсолютно, есть нѣчто, составляющее собою цѣль духовнаго стремленія. Но, какъ и всякій

абсолютъ, она живетъ внѣ нашего познанія, ограниченнаго четырьмя земными измѣреніями... — началъ-было Максимъ Петровичъ, но вдругъ завялъ, опустился, и жидкіе длинные волосы скатились на лобъ.

И въ ту же минуту Аверкіевъ услышалъ у себя за спиной чей-то густой и необыкновенно сочный, какъ-будто смазанный масломъ, голосъ. Повернувшись на своемъ табуретѣ, увидѣлъ высокаго и полнаго человѣка съ короткой шеей и огромными волосатыми руками — инженера Коврова, который занимался крупными подрядами по военному вѣдомству. Насколько Максимъ Петровичъ былъ духовенъ и казался уже сейчасъ нѣсколько отдѣленнымъ отъ земли, настолько Ковровъ весь былъ земень и матеріаленъ, — и поэтому они оба ненавидѣли другъ друга инстинктивно и глубоко. Аверкіевъ относился къ инженеру съ безразличной вѣжливостью, какъ и ко всѣмъ другимъ солиднымъ кліентамъ. Съ радушной улыбкой спряталъ свою маленькую руку въ огромной волосатой лапшѣ:

— Милости просимъ! Чѣмъ обрадуете?

— Да вотъ, милѣйшій, хочу внести нѣсколько грошиковъ, чтобы по карманамъ не заваливались, — сочно гудѣлъ голосъ. — Не откажите ордерочекъ составить на кассу.

Едва согнувъ толстую шею, кивнулъ Максиму Петровичу, и тотъ тоже продѣлалъ въ отвѣтъ какое-то неопредѣленное движеніе, словно сгонялъ съ лица назойливую муху.

— Какъ дѣлишки, господинъ спирить? Столиковъ много перепортили?

— Не понимаю вашего вопроса! — подобралъ губы Максимъ Петровичъ и отставилъ въ сторону недопитый стаканъ, чтобы заняться счетными книгами. — Столовъ я не порчу и посуды не бью... въ ресторанахъ.

Инженеръ крикнулъ:

— Относительно посуды — у всякаго свой темпераментъ. А впрочемъ — подай вамъ Господь здоровья и долголѣтія.

Нѣсколько обиженный, окончательно пересталъ интересоваться Максимомъ Петровичемъ и, положивъ локти на дубовыя точеныя перила, гулкимъ, какъ изъ бочки, шопотомъ, спросилъ Аверкіева:

— А правду ли говорятъ, батюшка, будто бы вы приемыша себѣ взяли? Мнѣ нашъ интендантъ рассказывалъ.

— Откуда же это могъ знать вашъ интендантъ?

— Такъ вѣдь его свояченица вашей супругѣ какою-то родственницей приходится. Вотъ, стало-быть, и пришлі извѣстія по женской линіи, бабьимъ телеграфомъ. Съ самыми тонкими подробностями, которыя, разумѣется, дорогой прилипли. А суть-то вѣрна?

— Сколько вкладываете? Семь тысячъ пятьсотъ? Сію минуту... — Аверкіевъ черкнулъ нѣсколько цифръ на разграфленномъ листкѣ и передалъ его Максиму Петровичу. Потомъ положилъ перо и повернулся на табуретѣ такъ, что оказался лицомъ къ лицу съ инженеромъ. Даже чувствовалъ его дыханіе съ замѣтной примѣсью только-что выпитаго дорогого и крѣпкаго вина. — Относительно приемыша... Да, пожалуй, что и взялъ. Но, пока что, дѣвочка находится у меня только временно.

— Впредь до разысканія нѣжныхъ родителей? Ну, стало-быть, не наврала бабы. — И Ковровъ укоризненно сморщилъ опухшее лицо. — Легкомысленный вы человѣкъ, батюшка... Отъ сосѣдства это у васъ, что ли? Вѣдь у васъ, слава Богу, и собственное, кровное дитя подрастаетъ. Развѣ же такъ можно?

Аверкіевъ терпѣть не могъ не только настоящихъ соръ, но и простыхъ размолвокъ. Поэтому, хотя ему очень хотѣлось вспылить и послать толстаго инженера къ чорту вмѣстѣ съ его непрошенными совѣтами, онъ только слегка покраснѣлъ и отвѣтилъ ровнымъ, благодушнымъ голосомъ:

— Чтѣ жъ такое? Пусть подрастаютъ вмѣстѣ, если дѣвочка дѣйствительно у меня останется. Я нахожу, что одиночество вообще очень дурно отзывается на психикѣ ребенка.

— Не понимаю, батюшка. У меня у самого четверо ребятъ, и ничего, растутъ молодцами. Средствъ тоже хватило бы и еще на полдюжины, но если бы кто-нибудь предложилъ мнѣ взять въ семью чужого ребенка такъ себѣ, съ вѣтра, съ улицы, — я бы, извините, долженъ былъ признать этого человѣка или сумасшедшимъ, или злонамѣреннымъ. Одиночество, говорите вы, вредно. А зараза, умственная зараза, не вредна? Да вѣдь это такое сокровище,

Р. Коггъ. Отъездъ осужденныхъ.

І. Миллэ. Вѣтрено.

вище, простите, можетъ чортъ знаетъ чему научить. Теперь у насъ, батюшка, времена жестокия. На послѣдніе годы Рима похожи. И вотъ невѣдомое вамъ существо, которое, можетъ-быть, вчера еще участвовало въ оргіи, а сегодня сдѣлалось почему-нибудь для таковой цѣли непригоднымъ, вы подбираете на улицѣ, вводите въ семью. Это, батюшка, хуже, чѣмъ волка въ овечье стадо пустить.

Аверкіевъ покраснѣлъ сильнѣе и нервно отодвинулся, чтобы не ощущать раздражающаго виннаго запаха.

— Нужны какія-нибудь основанія для подобныхъ предположеній... А разъ такихъ основаній нѣтъ, то ужъ вы меня тоже извините. Я позволю себѣ думать, что просто вся ваша психика направлена въ такую... нѣсколько грязную сторону.

Тутъ Максимъ Петровичъ, повидимому, цѣликомъ погруженный въ огромную счетную книгу, сочувственно закивалъ головой и даже открылъ-было ротъ для соотвѣтственной реплики, но спохватился и только шумно перевернулъ страницу.

Инженеръ убралъ локти съ дубовой рѣшетки.

— Какъ хотите, батюшка. Я вѣдь просто по знакомству и, какъ человѣкъ общительный, счелъ своей обязанностью... Но, помните мое слово, раскаетесь. Вы, идеалисты, вы въ мечтахъ вашихъ весь міръ розовой водичкой spraysваете... А я — травленный волкъ. И не отрицаю: уровень моей психологіи довольно низменъ, потому что и вся наша жизнь, батюшка, опопонакомъ не пахнетъ. Для подкидышей пріюты есть. Тамъ она по крайней мѣрѣ никого не испортитъ, потому что тамъ все хороши, до начальства и благотворителей включительно... Уже готово? Вотъ и спасибо. Я кстати тороплюсь на стройку. Будьте благополучны...

И, когда ушелъ шумный инженеръ, долго еще чувствовалось его присутствіе, пахло крѣпкой сигарой и перегорѣвшимъ крѣпкимъ виномъ и звучалъ въ ушахъ сочный, самодовольный голосъ. Максимъ Петровичъ молча работалъ, время отъ времени взглядывая исподлобья на своего сосѣда. Онъ былъ замѣтно подавленъ и имѣлъ такой видъ, словно наступилъ босой ногой на скверную нечистоту. А Аверкіевъ полчаса спустя поймалъ себя на какой-то ошибкѣ и съ чувствомъ выругался:

— Жирная скотина!

Томительно долго тянулись служебные часы. Когда прозвонилъ наконецъ долго жданный звонокъ, заключены были счета, заперты конторки и запахло горячей мастикой у дверей стальной комнаты, Аверкіевъ торопливо простился съ сослуживцами, торопливо одѣлся и сбѣжалъ по лѣстницѣ, но на улицѣ сначала замедлилъ шаги, а затѣмъ и совсѣмъ остановился у запыленной витрины какой-то желѣзной торговли.

Внимательно разсматривалъ совсѣмъ неинтересные замки, шпингалеты и подпилки, даже разобралъ отъ начала до конца длинное англійское наставленіе на усовершенствованной мороженницѣ, — и все не могъ рѣшиться двинуться дальше.

Вспомнилъ, какъ еще совсѣмъ недавно жаль было терять лишнюю минуту при возвращеніи изъ банка. И теперь тоже хотѣлось поскорѣе быть дома, видѣть жену и Олюшу, сидѣть за обѣденнымъ столомъ, выслушивая маленькія и какъ-будто уже запылившіяся домашнія новости. Но теперь, на ряду со всѣмъ этимъ близкимъ и манящимъ, существовало еще нѣчто, чтó отпугивало и отъ чего ноги прирастали къ тротуару.

— Скотина проклятая! — еще разъ вслухъ выругался Аверкіевъ.

Было особенно досадно, что въ грубыхъ и грязныхъ соображеніяхъ инженера чувствовалась все-таки какая-то правда. И во всякомъ случаѣ пужно не закрывать глаза на эту правду, а освѣтить ее всю, до конца.

Прошла недѣля, долгая недѣля, а онъ знаетъ о своемъ пріемышѣ не больше, чѣмъ въ первый день. Даже меньше, пожалуй, потому что тогда незнаніе дополнялось догадками, а теперь и эти догадки потеряли подъ собой всякую почву.

Аверкіевъ долго стоялъ у витрины и, только когда начали зябнуть ноги въ тонкихъ калошахъ, отправился домой. Пошелъ пѣшкомъ, хотя линія трамвая проходила отъ банка мимо его квартиры, и до сихъ поръ онъ неизмѣнно пользовался этимъ дешевымъ удобствомъ.

Сегодня, какъ вчера и третьяго-дня, онъ твердо рѣшилъ во

что бы то ни стало добиться отъ дѣвочки признанія. Прежнія попытки не привели ни къ чему, и Аверкіевъ, смущенный, прекратилъ свой допросъ при первыхъ же холодныхъ и спокойныхъ отвѣтахъ дѣвочки. Но вѣдь нужно же наконецъ быть благо-разумнымъ. Во всякомъ случаѣ вся сила, весь моральный авторитетъ на его сторонѣ.

Аверкіевъ прибавилъ шагу и хотѣлъ-было даже покрутить усы обычнымъ жестомъ спокойнаго и увѣреннаго въ себѣ человѣка, но на улицѣ было холодно, и усы обмерзли.

Дома жена встрѣтила его въ прихожей. Сама открыла дверь, хотя горничная была тутъ же, и на лицѣ Ульяны Мионовны Аверкіевъ прочелъ какое-то тревожное напряженіе.

Спросилъ торопливо:

— Въ чемъ дѣло? Случилось что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего. Ты сегодня опять запоздалъ очень. Я ждала и уже начала думать, не заболѣлъ ли.

Положимъ, онъ не такъ уже сильно запоздалъ: всего на какихъ-нибудь минутъ сорокъ. Но жена говоритъ: „опять“. И вотъ недавно дѣйствительно онъ запоздалъ на нѣсколько часовъ и въ этотъ день привезъ найденную дѣвочку. Аверкіевъ криво усмѣхнулся. Вотъ она, женская искренность. Говоритъ, что не нарадуется на своего пріемыша, а на самомъ дѣлѣ какъ-будто со страхомъ начинаетъ думать, что такіе странные подкидыши водятся по городу сотнями, и ея супругу только и дѣла, что подбирать ихъ, опаздывая къ обѣду.

— Чортъ знаетъ, какія глупости! — отвѣтилъ Аверкіевъ не на слова жены, а на свои собственные мысли. — Вели подавать на столъ. Я голоденъ.

Однако, когда подали супъ, его даже затошнило отъ одного только запаха пищи. Черезъ силу проглотилъ нѣсколько ложекъ, налилъ себѣ вторую рюмку водки, чтобы возбудить аппетитъ. Но и водка была какая-то противная: теплая и вонючая.

Олюша шалила за столомъ, закапала чистую скатерть, потомъ утопила свою ложку въ соусникѣ. Ульяна Мионовна разсердилась:

— Тебѣ бы слѣдовало брать примѣръ съ Кати. Посмотри, какъ она сидитъ за столомъ: сразу видно, что умная дѣвочка.

Правда, новая дѣвочка фла и пила такъ же чистенько и аккуратно, какъ и сама Ульяна Мионовна. И ни единого пятнышка не было до сихъ поръ на ея голубенькомъ платѣ.

„Взрослая, совсѣмъ взрослая! — думалъ Аверкіевъ, катая хлѣбные шарики. — Ребенокъ со всеизвѣдавшей душой старца. Или иначе, можетъ-быть? Просто вышколенная, выдрессированная дѣвочка съ недалекимъ умомъ и ограниченными способностями? Таланты во всякомъ случаѣ такими не бываютъ въ дѣтствѣ. И, можетъ-быть, даже моя Олюша умнѣе, потому что шалить и вообще ведетъ себя такъ, какъ слѣдуетъ ребенку“.

Ласково посмотрѣлъ на присмирѣвшую дочку, которая надулась, какъ мышь на крупу, послѣ замѣчанія матери. И сказалъ рѣзко:

— Ничего нѣтъ особеннаго. Ты сама въ ея возрастѣ навѣрное шалила еще больше. Ну, пусть уронила ложку... Чтѣ за преступленіе?

Ульяна Мионовна удивленно подняла брови. Раньше такъ не было, — потому что у супруговъ давно уже само собою установилось соглашеніе никогда не вмѣшиваться взаимно ни въ разговоры ни въ наказанія.

— Я и не считаю это особеннымъ преступленіемъ, но вѣдь Катя во всякомъ случаѣ ведетъ себя приличнѣе.

У Аверкіева зашевелилась въ душѣ колючая злоба, но онъ сумѣлъ сдержать себя и ничего не отвѣтилъ. Нужно было сохранить силы и хладнокровіе для предстоящей послѣобѣденной бесѣды.

За столомъ было скучно и натянуто. Самъ хозяинъ упорно молчалъ. Ульяна Мионовна по привычкѣ поговорила о томъ, какъ безобразны и дороги нынѣшнія моды, о томъ, что водопрыводъ на кухнѣ никуда не годится, и раковина опять засорилась, о новыхъ чехлахъ, которые хорошо было бы сшить для гостинной мебели, но не встрѣтила никакого сочувствія и тоже умолкла.

Въ глубокомъ молчаніи съѣли компотъ и поднялись изъ-за стола.

— Ты отдохнешь? — спросила почему-то Ульяна Мионовна, хотя и безъ того было твердо установлено, что Аверкіевъ каждый

день часа полтора дремлетъ послѣ обѣда. И именно потому, что она спросила, Аверкіевъ, уже направлявшійся въ спальню, остановился на полдорогѣ и вдругъ круто повернулъ къ гостиной:

— Нѣтъ. И еще вотъ чтò... Пришли, пожалуйста, ко мнѣ въ гостиную Катю.

Особаго кабинета у Аверкіева не было: не хватило мѣста въ квартирѣ. Письменный столъ стоялъ въ гостиной, прижатый въ уголъ синими мягкихъ стульевъ и латаніей въ деревянной кадучкѣ. Аверкіевъ плотно и удобно сѣлъ въ свое рабочее кресло, дѣловито взявъ въ руки карандашъ и такъ же дѣловито прочелъ надпись, тиснутую золотомъ по желтому лаку: „Koh-i-noor. Made in Austria.“

Подумалъ:

„Дурачьё... Если „in Austria“, такъ зачѣмъ писать по-англійски? Хамское преклоненіе передъ чужимъ превосходствомъ, и больше ничего“.

Что-то шевельнулось въ гостиной, за подушкой съ латаніей. Аверкіевъ перевернулъ карандашъ другой стороной, прочелъ другую, тоже англійскую, надпись и вспомнилъ, какъ онъ только-что стоялъ передъ витриной желѣзнаго магазина и разсматривалъ мороженицу. Усмѣхнулся краешкомъ рта:

„Везетъ мнѣ сегодня на англійскій языкъ. Максимъ Петровичъ, пожалуй, и здѣсь нашелъ бы какое-нибудь предопредѣленіе“.

Очень хотѣлось не поворачиваться къ дѣвочкѣ и не подзывать ея, чтобы она подошла поближе, а сидѣть вотъ такъ, уютно и одиноко, и думать разныя никчемныя и глупыя мысли.

Дѣвочка кашлянула, напоминая о своемъ присутствіи.

„Ну, все равно... Надо начинать...“

Сказалъ громко:

— Иди сюда и присядь. Намъ надо поговорить, дѣточка.

Катя придвинула одинъ изъ мягкихъ стульевъ и сѣла. Оправила складки платья.

Аверкіевъ прокашлялся, постучалъ кончикомъ карандаша по сукну стола:

— Видишь ли, моя милая... Гмм... Вотъ уже недѣля, какъ ты живешь у насъ. За это время ты, конечно, убѣдилась, что мы—люди не злые, заботимся о тебѣ, насколько можемъ, и что въ будущемъ тебѣ тоже не будетъ плохо. Вѣдь такъ?

— Да, мнѣ хорошо!—серьезно и вдумчиво глядя своими прозрачными глазами, согласилась дѣвочка.

— Ну, вотъ... А теперь, видишь ли... Та тетя, которая тебя потеряла, — никто не могъ до сихъ поръ найти этой тети, хотя искали ее много и усердно. Должно-быть, она уѣхала куда-нибудь далеко и совсѣмъ забыла о твоёмъ существованіи. И я и моя жена ничего не имѣемъ противъ того, чтобы ты осталась у насъ навсегда. И мы будемъ очень любить тебя, потому что ты замѣнишь намъ покойную Вѣрочку.

Аверкіевъ сдѣлалъ маленькую паузу, наблюдая за эффектомъ своей рѣчи, но свѣтлые глаза не дрогнули. Смотрѣли попрежнему прямо и открыто, и попрежнему нельзя было угадать, чтò въ нихъ таится.

— Такъ вотъ... Но тутъ, видишь ли, моя дѣточка, есть одно обстоятельство... — Аверкіевъ заикался, стараясь выразиться какъ можно понятнѣе, но слова все же выходили какія-то тягучія и длинныя и совсѣмъ невыразительныя: — одно обстоятельство. Ты вотъ хорошо уже знаешь теперь, кто мы такіе, чѣмъ мы живемъ, чѣмъ занимаемся. Отъ тебя у насъ нѣтъ никакихъ... никакихъ секретовъ, потому что мы уже и теперь смотримъ на тебя почти какъ на свою собственную дочь. Конечно, когда я бралъ тебя къ себѣ, то я не могъ думать, что ты пробудешь у насъ дольше нѣсколькихъ часовъ. Мы всѣ были увѣрены, что придетъ тетя, которая тебя потеряла, и ты вернешься въ свою семью. Но тетя не пришла, и ты осталась у насъ, потому что иначе тебя пришлось бы отдать въ какой-нибудь пріютъ, гдѣ тебѣ было бы совсѣмъ плохо... Такъ вотъ... Отъ тебя, я говорю, у насъ нѣтъ никакихъ секретовъ. Мы вотъ всѣ цѣликомъ здѣсь передъ тобой. Ты понимаешь? Да, конечно. Я знаю, что ты умная дѣвочка. А между тѣмъ мы уже много-много разъ спрашивали тебя, кто такая твоя тетя, и откуда появилась ты сама, и гдѣ ты жила раньше, — а ты молчишь. Вѣдь не можетъ же быть, чтобы ты ничего не помнила. Ты — развитая, ты даже читать умѣешь. А человекъ, который читаетъ, не можетъ не знать своей фамиліи.

Значитъ, ты скрываешь намѣренно. И вотъ пойми же, что, пока ты скрывать, мы не можемъ относиться къ тебѣ такъ, какъ слѣдуетъ, не можемъ полюбить тебя хорошенько. Ты все-таки будешь для насъ чужая, незнакомая. Понимаешь?

— Мнѣ и не нужно! — неожиданно выговорила дѣвочка и, покачивая ногой, опустила глаза внизъ, на носокъ своего башмака.

Аверкіевъ опѣшилъ и сразу потерялъ нить своихъ мыслей, которую только-что связалъ съ такимъ трудомъ:

— Какъ это?

— Я говорю: мнѣ и не нужно, чтобы меня любили! — безъ всякаго раздраженія объяснила дѣвочка.—Зачѣмъ это?

— Но... какъ же? Люди всегда хотятъ, чтобы ихъ любили, милая. Безъ любви очень плохо и скучно жить на свѣтѣ.

Дѣвочка отрицательно покачала головой. Очевидно, на этотъ счетъ она уже составила себѣ особое и вполне опредѣленное мнѣніе. И тутъ въ Аверкіевѣ еще крѣпче засѣла одна догадка, зародившаяся съ самыхъ первыхъ дней. Онъ наклонился надъ дѣвочкой, ласково положилъ руку на ея плечо и заговорилъ тихо и вкрадчиво:

— Послушай, дорогая моя, хорошая, вотъ сейчасъ мы совсѣмъ одни, и никто не услышитъ тебя, кромѣ меня одного. Если ты хочешь, я дамъ тебѣ слово, что все сказанное тобой я не передамъ никому, — никому, даже женѣ, отъ которой я никогда ничего не скрываю. Я понимаю, въ чемъ дѣло. Ты горда, самолюбива и не хочешь жаловаться еще слишкомъ мало знакомымъ тебѣ людямъ. Вотъ я буду подсказывать тебѣ то, о чемъ самъ догадываюсь, а ты только говори: да или нѣтъ... Твоя тетя не любитъ тебя. Она часто обижала тебя, относилась несправедливо. Да?

Дѣвочка опустила голову, и едва замѣтное судорожное движеніе пробѣжало по ея лицу.

Скрестила пальцы и хрустнула косточками, — совсѣмъ такъ, какъ дѣлаютъ это многіе взрослые въ трудную минуту.

— Вѣдь это правда?—еще настойчивѣе переспросилъ Аверкіевъ.—Если ты ничего не отвѣчаешь, то, стало-быть, такъ и есть. И ты боишься рассказать намъ, гдѣ жила раньше, чтобы тебя не отправили обратно.

— Это неправда — про тетю! — сказала дѣвочка и опустила руки вдоль колѣнъ.—Меня никто не обижалъ тамъ.

Вотъ совсѣмъ уже было-разрѣшилась загадка,—и опять все рухнуло изъ-за этого неожиданнаго отвѣта.

Аверкіевъ нетерпѣливо заходилъ по комнатѣ:

— Я не понимаю, Катюша... Вѣдь должна же быть какая-нибудь причина. Ну, хорошо. Твоя тетя была хорошая, добрая, никогда не обижала тебя, — и все-таки ты не хочешь почему-нибудь вернуться къ ней и потому отказываешься объяснить, кто ты такая... Другого объясненія я не могу придумать. Никакой капризъ не можетъ продолжаться недѣлями, если онъ ни на чемъ не основанъ. И вотъ я могу, если хочешь, успокоить тебя. Я повторяю еще разъ, что все, чтò бы ты ни сказала, не выйдетъ изъ этой комнаты. Я выслушаю, узнаю—и замолчу. И согласишься сама, что не знаю я не могу.

Остановился, заложивъ руки за спину и въ упоръ глядя на дѣвочку. Досада смѣнялась понемногу злобнымъ раздраженіемъ и обидой. Обидой взрослому, зрѣлаго человека, который вынужденъ уступить ребенку, признать передъ нимъ свое духовное безсиліе.

— Для всѣхъ другихъ все останется такъ, какъ было. Никто, кромѣ меня, не будетъ знать ни твоей семьи ни твоего настоящаго имени,—потому что, пожалуй, тебя и зовутъ-то совсѣмъ не Екатериной, а какъ-нибудь иначе. Ужъ если мы рѣшили принять тебя въ нашъ домъ, такъ неужели же мы будемъ настолько жестоки и отправимъ тебя туда, куда ты не хочешь идти? Я прошу отъ тебя побольше довѣрія, Катя. И ты не имѣешь никакихъ основаній отказать мнѣ въ этомъ довѣрїи.

Самъ того не замѣчая, онъ заговорилъ уже съ нею, какъ съ равной. И она, видимо, понимала,—понимала не меньше, чѣмъ въ то время, когда онъ такъ неудачно подлаживался подъ уровень дѣтскихъ воззрѣній.

— Я вѣрю. А вы мнѣ не вѣрите, когда я говорю вамъ, что ничего не знаю.

— Да какъ же можно вѣрить такой нелѣпости? — окончательно возмутился Аверкіевъ.—Онъ чувствовалъ, что постепенно

20 Выставка С.-Пе-
тербургскаго Обще-
ства Художниковъ

С С Ш МИДЪ.

Изъ русской
старины.

Изразцовый наличникъ въ церкви Иоанна
Златоуста въ г. Ярославль.

Придѣлъ Спасской церкви въ г. Костромѣ.

Башни Троице-Сергіевой лавры.

Церковь Воскресенія въ г. Ярославль.

Церковь Вос-
кресенія на
площади въ
г. Костромѣ.

Вознесенская церковь въ г. Костромѣ.

теряетъ власть надъ самимъ собой, надъ своими напряженными нервами, — и это сознание раздражало его еще больше. — Если какой-нибудь человекъ вздумаетъ ни съ того ни съ сего называть черныи дѣтъ бѣлымъ, то, конечно, никто ему не повѣритъ. И всѣ будутъ считать его лгуномъ, да, пустымъ лгуномъ и больше ничего!

Дѣвочка съѣжилась, подобрала ноги. Сдѣлалась еще меньше ростомъ и потому еще безпомощнѣе. Но Аверкиевъ не замѣчалъ уже теперь этой безпомощности, которая такъ трогала его прежде. Онъ видѣлъ передъ собою только препятствіе, дикое и нелѣпое препятствіе, которое нужно было сломить во что бы то ни стало.

— Когда мы брали тебя къ себѣ, чтобы вырастить и воспитать, то, конечно, были увѣрены, что ты будешь умной, послушной и доброй дѣвочкой. А ты совсѣмъ не хочешь оправдать нашихъ ожиданій... Да, не хочешь. Такъ ведутъ себя только совсѣмъ дурныя и невоспитанныя дѣти!

Раздражаясь, Аверкиевъ краснѣлъ и оживленно размахивалъ руками, тяжело переводя дыханіе. Дѣвочка неожиданно поднялась съ мѣста:

— Хорошо. Я пойду.

— Нѣтъ, подожди! — грубовато удержалъ ее Аверкиевъ за оборку голубого платица. — Такъ нельзя. Мало ли что ты еще вздумаешь... Ты обязана прежде всего подчиняться старшимъ.

— Пустите меня... Я пойду... совсѣмъ.

— Куда же это?

— Все равно... туда... не знаю...

Миловидное лицо дѣвочки исказилось отъ тщетныхъ усилій скрыть внезапно нахлынувшія слезы. И слезы покатались по ще-

камъ, горячія, жгучія, оставляя на щекахъ слѣды, — красныя полоски.

Аверкиевъ сморщился и крякнулъ, какъ отъ сильной зубной боли:

— Ну... чортъ знаетъ что! Развѣ можно вести себя подобнымъ образомъ?

— Пустите меня! — упрямо повторяла дѣвочка, хотя Аверкиевъ давно уже освободилъ голубенькую оборку. — Я нехорошая — и я уйду. Я не хочу васъ сердить.

Въ гостиную заглянула Ульяна Мионовна:

— Что у васъ такое? Катя плачетъ?

Аверкиевъ маленькими, сконфуженными шажками вернулся къ своему письменному столу, сѣлъ, опять взявъ въ руки желтый, гладко отполированный карандашъ:

— Я, видишь ли... Собственно, я не понимаю, изъ-за чего она плачетъ. Я просто хотѣлъ выяснитъ наконецъ этотъ вопросъ... Непростительно съ нашей стороны такъ безвольно подчиняться какому-то капризу. Ты понимаешь?

Ульяна Мионовна взглянула на мужа какъ-то странно: не то сочувственно, не то насмѣшливо. И, сейчасъ же отведя взглядъ, подошла къ дѣвочкѣ, погладила ее по растрепавшимся волосамъ:

— Успокойся, дѣточка. Тебя никто не обидитъ здѣсь. Успокойся... Пойдемъ со мною въ дѣтскую.

Аверкиевъ нервнымъ движеніемъ переломилъ пополамъ полированную палочку. Оцарапалъ кожу на ладони острымъ осколкомъ дерева и, когда жена съ дѣвочкой были уже за дверью гостиной, нехорошо выругался.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Аполлонъ Бельведерскій.

Повѣсть минувшихъ лѣтъ. Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

(Продолженіе).

ХІІ.

Весеннимъ утромъ шелъ по Дворцовой набережной молодой человекъ. Утро было солнечное, ликующее, но холодное. Съ Невы — она зыблилась темно-свинцовой рябью — дулъ свѣжій, бодрящій вѣтеръ.

Во внѣшности молодого человека, въ его пальто съ пелериной и мягкой широкополой шляпѣ, въ манерѣ повязывать галстукъ, въ пышныхъ черныхъ кудряхъ, упорно выбивавшихся изъ-подъ шляпы, — во всемъ этомъ угадывался художникъ. Онъ былъ строенъ и гибокъ и скорѣй высокъ, чѣмъ средняго роста. Лицо, вся голова, откинутаая, гордая, — красоты замѣчательной. Что-то сумрачное, южное было въ этой яркой и вмѣстѣ печальной красотѣ. Глаза, большіе, черные, казались еще темнѣе и больше на тонкомъ смугловатомъ лицѣ съ мягкой синевою чисто выбритыхъ щекъ и твердаго, упрямаго подбородка. Чуть замѣтная горбинка не портила линіи правильнаго носа. Наоборотъ, что-то въ высшей степени характерное было въ этой горбинкѣ. И такъ это было въ гармоніи съ рисункомъ небольшого рта и алыхъ губъ, въ которыхъ переливалась горячая кровь.

Молодой человекъ шелъ довольно скоро. Онъ поравнялся уже съ Зимнимъ Дворцомъ. А путь ему въ академію художествъ еще не близкій. Вотъ навстрѣчу ему, прогуливаясь, идетъ молодой, большого роста и величественной осанки генералъ въ длинномъ, перетанутомъ у талии, сюртукѣ и въ треугольной шляпѣ съ плюмажемъ. Вотъ они поравнялись. Художникъ близко, совсѣмъ близко увидѣлъ круглые, немигающіе глаза. Художникъ вдругъ остановился, давая дорогу, торопливымъ жестомъ сорвалъ шляпу со своихъ черныхъ, переливающихся синевою, кудрей. Молодой генералъ въ отвѣтъ скорѣй глазами, чѣмъ движеніемъ головы откинулъ и прошелъ мимо. Но тотчасъ же смуглый художникъ услышалъ за спиной короткій, приказывающій окрикъ:

— Поди сюда!..

Онъ подошелъ.

Холодные свѣтлые глаза со вниманіемъ разсматривали художника:

— Ну и красавецъ же ты, отмѣнный красавецъ! Кто таковъ?

— Ученикъ академіи художествъ, ваше императорское величество.

— Какъ зовутъ?

— Аполлонъ Бельведерскій.

Высокій лобъ Николая перерѣзался складкой, глаза смотрѣли строго:

— Какой вздоръ, я тебя толкомъ спрашиваю!

— Осмѣливаюсь доложить вашему величеству, что таковы въ дѣйствительности мое имя и фамилія.

Разгладился высокий лобъ государя, и онъ спросилъ съ недоумѣніемъ:

— Но почему такое странное совпаденіе, какъ бы нарочито придуманное?

— Я — подкидышъ, ваше величество. Возращень былъ чужими

людьми, которыхъ я почиталъ за родныхъ. Они дали мнѣ имя и фамилію, носимыя мною теперь.

— Откуда ты?

— Дѣтство мое протекло въ Черниговской губерніи, въ селѣ Гремячѣ.

— Гремячѣ. Знаю. Никиты Атрыганьева имѣніе. Ты здѣсь вхожъ къ князю?

— Такъ точно, ваше величество. Имѣю отъ его сіятельства нѣкоторую пенсію.

— Чей ученикъ?

— Профессора Егорова.

— Кланяйся ему. Какъ-нибудь загляну въ академію и тебя увидаю. Идешь хорошо?

— Имѣю малую золотую медаль, ваше величество, и въ чаяніи удостоиться большой.

— Молодецъ! Ступай. Твое лицо мнѣ знакомо. Гдѣ я тебя видѣлъ? Ну, ступай.

Бельведерскій долго провожалъ фигуру удалявшагося государя восторженнымъ и вмѣстѣ растеряннымъ взглядомъ. И эта встрѣча и эта бесѣда явились такъ неожиданно-негаданно, словно ничего и не было.

„Сколько величія, сколько царственной простоты“, — думалъ художникъ.

Тщательно въ Гремячѣ скрывали отъ Аполлона трагическій конецъ Пѣтухова. Но совсѣмъ скрыть невозможно было. Мальчикъ узналъ, и Богъ знаетъ что съ нимъ творилось. Отъ потрясенія онъ самъ чуть не умеръ. Амфилохій и секундъ-майоръ ночами, смѣняя другъ друга, неусыпно дежурили у его изголовья. Трижды въ недѣлю посылали въ городъ тарантасъ за лѣкаремъ.

Сигизмунду Феликсовичу грозили большія невзгоды. Вертищевъ подалъ на него жалобу за укрывательство бѣлаго холопа. Сигизмундъ Феликсовичъ спѣшно снарядился въ Петербургъ и наилучшимъ образомъ посвятилъ князя во всю эту ужасную исторію. Князь хотя и морщилъ порою бритое холеное лицо, слушая рассказъ управляющаго, но въ обиду его не далъ. Слѣдствіе было замято.

Своимъ пріѣздомъ въ столицу Сигизмундъ Феликсовичъ воспользовался, чтобы помочь Аполлону въ люди выйти. Онъ заинтересовалъ князя Никиту необычайной судьбой мальчика, его способностями къ художеству. Кончилось тѣмъ, что князь не только опредѣлилъ Аполлона въ академію, но и на все время ученія назначилъ ему пенсію въ тысячу двѣсти рублей.

Петербургъ ошеломилъ, поразилъ Аполлона дворцами, гранитными набережными, всѣмъ монументальнымъ и строгимъ величіемъ. Тѣмъ болѣе, привезли Аполлона какъ разъ въ тѣ дни, когда городъ былъ полонъ восторженныхъ ликованій по случаю возвращенія изъ Парижа императора Александра, избавившаго Европу отъ „тираніи корсиканскаго чудовища“.

Такъ шли годы. Въ то время ученики съ дѣтскихъ лѣтъ жили въ академіи пенсіонерами. Кормили ихъ впроголодь. Кашу да-

вали такую—въ ротъ нельзя было брать, тошнило. Бѣдныя дѣти глядѣли заморышами по милости жаднаго эконома. Вотъ Бельведерскій находился въ счастливыхъ условіяхъ: благодаря княжеской пенсіи, онъ считался богачомъ среди товарищей. Онъ позволялъ себѣ роскошь: при содѣйствіи сторожей добывать колбасу, ветчину и всякую другую снѣдь. По добротѣ своей души, Бельведерскій никогда не лакомился въ одиночку. Вѣчно окружала его толпа товарищей, съ которыми онъ братски дѣлилъ свои запасы.

Успѣхи въ художествѣ Бельведерскій оказалъ большіе. Рисунки его съ гипсовыхъ антиковъ считались образцовыми, и профессора вѣшали ихъ въ классахъ, какъ примѣръ строгости линій, твердой руки и вѣрнаго глаза. Позднѣе то же самое было и съ этюдами натурщиковъ, гдѣ, помимо рисунка, Аполлонъ явился такимъ блестящимъ колористомъ, какого не было еще до него въ академіи. Всѣ остальные писали натурщиковъ зачетными красками въ условныхъ коричневыхъ тонахъ. Кто бы ни писалъ и кого бы ни писалъ—у всѣхъ выходило одинаковое тѣло, въ природѣ не существующее. Не удовлетворенный этимъ шаблономъ, Бельведерскій въ своихъ этюдахъ искалъ настоящаго живого тѣла, находилъ его, и оно трепетало подъ кистью, переливалось теплой кровью подъ тонкимъ слоемъ кожи.

Профессорамъ это не нравилось. Не нравилось потому, что они просто-напросто не понимали Бельведерскаго. Въ глазахъ ихъ это былъ дерзкій революціонеръ, бросившій вызовъ академическимъ традиціямъ. Учили въ дѣтствѣ ихъ, а потомъ они и сами учили, что всѣ эти натурщики: смуглый, черноволосый Тарасъ, рыжій Антонъ и бѣлобрысый, какъ чухонецъ, Дмитрій,—у всѣхъ у нихъ тѣло должно быть по установленному образцу: темно-коричневатое съ серебристыми рефlekсами.

А между тѣмъ этотъ красавецъ съ печальными и гордыми глазами говоритъ:

— У Антона, какъ у большинства рыжихъ, тѣло нѣжное, молочно-розоватое. Тарасъ—брюнетъ. У него преобладаютъ холодныя синеватые колера. Такъ надо и писать.

Профессоровъ кидало въ ужасъ отъ такихъ разсужденій. Они видѣли въ этомъ ниспроверженіе высокаго стіля, завѣщаннаго болонской школой, самой фальшивой и мертвой всѣхъ итальянскихъ школъ.

А Бельведерскій свое:

— Надо учиться не у болонцевъ, а у Тиціана и Рафаэля.

Одинъ профессоръ Егоровъ если и не понималъ Бельведерскаго, то сочувствовалъ ему и угадывалъ передъ собою крупный талантъ, которому выпало, быть-можетъ, создать новые пути въ искусствѣ. Егоровъ, не стѣняясь, говаривалъ въ совѣтѣ профессоровъ:

— Этому юношѣ мало чему есть у насъ учиться. Господомъ Богомъ столько въ него вложено,—на всѣхъ насъ, пожалуй, хватило бы.

Егоровъ, которому при встрѣчѣ съ Бельведерскимъ государь велѣлъ кланяться, былъ фигурой прелюбопытной. Малый, рябой, съ плоскимъ профилемъ и раскосыми глазами, онъ не отличался ни красотой ни представительностью. Но былъ добрейшей души человекъ. И по своему времени замѣчательный художникъ. Онъ такъ набилъ себѣ руку, что могъ на память, безъ единой погрѣшности нарисовать какую угодно античную фигуру. Въ колерахъ Егоровъ былъ скученъ и сухъ,—да онъ и не заботился о колерахъ, видя всю сущность искусства лишь въ одномъ рисункѣ.

Происхожденіемъ онъ былъ калмыкъ. Восемилѣтнимъ ребенкомъ привезли его откуда-то изъ калмыцкихъ степей и опредѣлили въ академію. При своей невзрачной наружности Егоровъ славился громадной силой. Часто на потѣху онъ предлагалъ ученикамъ:

— Попробуйте столкнуть меня съ мѣста.

Трое-четверо юношей бросались на профессора что было духу, со всего разбѣгу. Онъ же стоялъ, какъ вросшій въ землю, какъ изваяніе, и только улыбался милой улыбкой, озаряющей его калмыцкое, изрытое оспой, лицо.

XIII.

Анастасъ Тимоѣевичъ умеръ на второй годъ послѣ того, какъ отвезъ своего питомца въ Петербургъ Сигизмундъ Феликсовичъ. Не было у него никакой болѣзни. Отъ ветхости умеръ. Человеку, шутка ли сказать, за сто перевалило. Самъ секундъ-майоръ любилъ повторять:

— Засидѣлся я на этомъ свѣтѣ...

Амфилохій былъ при его кончинѣ. Сидѣлъ въ бревенчатомъ флигелькѣ и густой, могучей октавой наполнялъ низенькую горенку. Съ той поры, какъ Аполлонъ учился въ Петербургѣ, дьячокъ и секундъ-майоръ все чаще и чаще сходились, чтобъ отвести душу въ бесѣдахъ о своемъ любимцѣ-выкормленншѣ.

Анастасъ Тимоѣевичъ больше отмалчивался, жуя губами и кивая головой. Двѣ-три фразы еще ничего. Но многословіе его затрудняло. Постепенно, безъ рѣзкихъ переходовъ изнашивался его столѣтній организмъ. И Анастасъ Тимоѣевичъ все слабѣлъ и слабѣлъ.

Смѣялся раскатистымъ, громкимъ смѣхомъ дьячокъ и вдругъ осѣкся. Видитъ, ковылявшій къ нему съ порога Анастасъ Тимоѣевичъ сразу какъ-то странно осѣдаетъ. Амфилохій—къ нему. А секундъ-майоръ опустил тѣмъ временемъ на полъ между дверями и шепчетъ какъ бы про себя:

— А вѣдь я, кажись, умираю.

И опрокинулся на полъ, навзничъ, и мететъ полъ своей пудреной косицей.

Амфилохій потомъ говорилъ поцу:

— Совсѣмъ какъ угодничекъ Божій представился. Тихонько такъ. Глядь—и нѣтъ. Жалко одно, что безъ исповѣди и безъ святого причастія.

Хоронили Анастаса Тимоѣевича торжественно, въ карабинерномъ камзолѣ, съ крестами и регалиями, добытыми въ суворовскихъ походахъ. Городничій прислалъ изъ Суража гарнизонную команду, которая въ высокихъ и твердыхъ киверахъ шла за гробомъ екатерининскаго солдата.

Амфилохій затосковалъ. Съ кончиной секундъ-майора онъ чувствовалъ себя осиротѣвшимъ. Они такъ успѣли сжиться, такъ они вмѣстѣ любили своего Аполлона, что Амфилохій первое время, пока не улеглась печаль утраты, не находилъ себѣ мѣста.

Это было ранней весною. А лѣтомъ въ Гремячъ пріѣхалъ Аполлонъ. Каждый день ходилъ онъ съ Амфилохіемъ на могилку Анастаса Тимоѣевича и носилъ ему цвѣты. И оба плакали. Громадный полосатый, уже пепельно-сѣдой дьячокъ и хрупкій, тоненькій юноша.

Вспомнилъ Аполлонъ и своего учителя Пѣтухова и къ нему хотѣлъ пойти на могилу. Но Пѣтуховъ былъ зарытъ неизвѣстно гдѣ. Люто осерчавшій на него за тѣ всѣ хлопоты, которыя онъ причинялъ, Вертищевъ зарылъ его не на погостѣ, а въ усадьбѣ, на скотномъ дворѣ, и холмикъ велѣлъ выравнивать съ землею.

Въ Вертищевѣ шла полная разруха. Алексѣй Алексѣевичъ совсѣмъ спился. Пригожая дѣвка Груша изъ крѣпостныхъ одалисокъ забрала надъ нимъ власть и верховодила всѣмъ. Алексѣй Алексѣевичъ опускался все ниже и ниже. Аполлонъ съ горячими нервными слезами конвульсивно сжималъ кулаки:

— И этотъ дикій звѣрь, это грязное чудовище погубило добраго, хорошаго, талантливаго Антона Макаровича!..

Продолжая свой путь въ академіи послѣ встрѣчи съ государемъ, Бельведерскій вспоминалъ, почему его лицо знакомо государю. И вспомнилъ. Это было около трехъ лѣтъ назадъ. Это былъ знаменательный день четырнадцатаго декабря. И за толстыя стѣны академіи проникали тревожные слухи объ отреченіи великаго князя Константина, о мнимой смерти императора Александра, о готовящемся переворотѣ.

Спозаранку Бельведерскій и еще двое-трое товарищей забрались на крышу академіи. Оттуда ясно была видна Сенатская площадь. Сначала пустынная, голая, затѣмъ все больше и больше покрываемая черными и сѣрыми колоннами войска. Академисты зябли на холодѣ въ своихъ жиденькихъ казенныхъ шинеляхъ, но терпѣливо ждали событий. Отчетливо донесся къ нимъ черезъ Неву первый выстрѣлъ, смертельно ранившій Милорадовича. Блѣдный, со сжатыми вздрагивающими губами всматривался туда Аполлонъ. Головой, душою и сердцемъ онъ былъ вмѣстѣ съ ними, съ этой горстью отважныхъ и благородныхъ людей, бросившихъ перчатку полудикой и темной Россіи съ ея деспотизмомъ и рабствомъ.

Конецъ измученнаго, истерзаннаго помѣщикомъ-звѣремъ Антона Макаровича навсегда глубоко запалъ Бельведерскому, такъ глубоко, что всякій разъ, когда онъ вспоминалъ это, вся кровь закипала въ немъ.

Что это? Наводятъ пушки. Одинъ выстрѣлъ, другой, цѣлый залпъ. Колонны мятежниковъ дрогнули и бросились въ бѣгство. Часть въ великомъ смятеніи, бросая оружіе, спасалась черезъ Неву. Падали раненые и рѣзкими пятнами обрисовывались на бѣлоснѣжной пеленѣ, гладко и ровно устилавшей ледъ. Полный разгромъ, полное крушеніе. Бельведерскій смотрѣлъ и смотрѣлъ туда, не замѣчая холодныхъ слезъ, тихо, одна за другою струившихся по его помертвѣвшимъ щекамъ.

Все ближе и ближе бѣглецы. Достигли набережной. Ищутъ, куда бы укрыться. Теряютъ по дорогѣ кивера, падаютъ окровавленные.

Бельведерскій не можетъ оставаться больше безучастнымъ зрителемъ. Онъ срывается и бѣжитъ внизъ, увлекая за собою товарищей:

— Поможемъ этимъ несчастнымъ!..

И помогали, насколько хватало силъ и умѣнія. Перевязывали раненыхъ солдатъ полотенцами, платками, носили ихъ въ подъѣздъ академіи, гдѣ все же было теплѣе, чѣмъ на декабрьской стужѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ ужасовъ Николаи Паруевичъ пріѣхалъ въ академію. Встрѣтилъ его президентъ—графъ Фѣдоръ Петровичъ Толстой. Видъ государя былъ суровый. Не здороваясь и на отвѣчая на поклонъ Толстого, спросилъ онъ:

— Скажи, это правда, что нѣкоторые изъ твоихъ питомцевъ были заодно съ бунтарями, оказывая имъ всяческое радушіе?

Графъ спокойно выдержалъ немигающій взглядъ и такъ же спокойно отвѣтилъ:

— Честью моею завѣряю, ваше величество, что у меня нѣтъ питомцевъ, которые были заодно съ бунтарями. Оказывать же милосердіе погранному, хотя бы онъ былъ врагъ, почитаю долгомъ каждаго истиннаго христіанина.

Государь продолжалъ испытующе смотрѣть на графа. Потомъ съ новымъ, просвѣтлѣвшимъ лицомъ обнялъ его:

— Толстой, ты честный и прямой человекъ. Я дорожу такими слугами, какъ ты, у меня мало ихъ.

Поговоривъ еще, Николай Павловичъ выразилъ желаніе пройти въ классъ Егорова, къ которому онъ благоволилъ. Толстой сопроводилъ государя. Въ классѣ Егорова государь среди остальныхъ учениковъ увидѣлъ Бельведерскаго и запомнилъ его. Да и мудрено бы не запомнить молодого человекъ съ такой наружностью.

Въ моментъ посѣщенія мастерской государемъ Аполлонъ испы-

тываль двойственное чувство. Весь облик Николая Павловича, вся его личность производила на него обаятельное впечатлѣніе. Государь нравился ему, какъ сильный человѣкъ. Душою же Бельведерскій остался съ тѣми, которыхъ пушечными выстрѣлами гнали по Галерной и черезъ Неву.

XIV.

Аполлонъ былъ своимъ человѣкомъ у Атрыганьева. Князь Никита устраивалъ ему портретные заказы среди людей своего круга. Княжна Софья акварелью писала цвѣты подъ наблюдениемъ Бельведерскаго, и онъ въ восторгѣ былъ отъ успѣховъ своей ученицы.

Аполлонъ самъ удивился бы, если бъ ему сказали, что онъ влюбленъ въ княжну и потому восторгается ею болѣе, чѣмъ скромными цвѣтами. Да, онъ былъ влюбленъ, романтически идеально, въ духъ своего вѣка и своей природы.

У него вошло въ привычку, несмотря ни на какую погоду, вечерами прогуливаться по Литейному, мимо дома Атрыганьевыхъ. Онъ ходилъ по другой сторонѣ улицы; было темно, и его никто не видѣлъ. А онъ—все видѣлъ, скорѣе чувствовалъ... Мелькнетъ на фонѣ освѣщеннаго окна стройный силуэтъ княжны... Весь домъ во мракѣ. Только въ одномъ окнѣ свѣтъ. Княжна, склонившись, переписываетъ въ альбомъ новое стихотвореніе Пушкина, звѣзда котораго такъ ярко ослѣпительно разгоралась. Нѣсколько разъ входитъ къ дѣвушкѣ мадамъ Гранжъ, вся въ черномъ и бѣломъ чепцѣ, напоминая, что пора спать. Но Софья съ капризной ласковостью отмахивается, и гусиное перо въ тонкихъ, прозрачныхъ пальчикахъ продолжаетъ выводить одну за другою мелкія, бисерныя строфы съ завитушками. Сколько ни убѣждала свою питомицу мадамъ Гранжъ, что есть только одна на свѣтѣ литература—французская, Софья не могла побороть однако своего упоенія красивымъ и звучнымъ пушкинскимъ стихомъ.

Мысль о взаимности и еще дальше—о бракѣ, конечно, и въ голову не приходила Бельведерскому. Слишкомъ непроходимая бездна между ними. Князь Никита—человѣкъ просвѣщенный, гуманный для своего положенія чрезвычайно, свободомыслящій. Но и онъ отдаленной возможности не допустилъ бы когда-нибудь увидѣть свою дочь Атрыганьеву женою живописца изъ темныхъ подкидышей.

Само собою сложилось, что разъ въ недѣлю Бельведерскій приходилъ къ Атрыганьевымъ либо къ обѣду, либо такъ, запросто, вечеромъ. Вотъ и сегодня съ обычнымъ трепетнымъ чувствомъ вошелъ онъ въ подъѣздъ, радушно встрѣченный важнымъ швейцаромъ Григоріемъ съ булавою, шитой золотомъ перевязью черезъ плечо и въ треуголкѣ. Швейцаръ улыбнулся такъ широко, что раздвинулись его височія сѣдыя бакенбарды.

— Дома?

— Его сіятельство уѣхать изволили въ комиссію. А княжна Софья Никитична дома. Только тоже, кажись, уѣдутъ съ мадамой къ Олсуфьевымъ. Антипу велѣно малую карету къ полчаса девятаго подать.

Видя, что попалъ не во-время, Бельведерскій хотѣлъ уже уходить, но съ той же широкой, доброжелательной улыбкой Григорій посовѣтовалъ ему:

— А вы поднимитесь, Аполлонъ Анастасьевичъ. Княжна-то еще не сейчасъ ѣдутъ.

Все въ этомъ домѣ говорило о рѣдкомъ богатствѣ, крупномъ художественномъ размахѣ. Все, начиная съ глубокаго вестибюля. Мраморныя колонны, мраморный каминъ съ двумя фавнами,—каминъ, принесенный изъ Италіи вмѣстѣ съ венеціанскими зеркалами на рукахъ. Полгода несли его въ Петербургъ княжескіе крѣпостные.

У лѣстницы съ мраморнымъ кружевомъ периль стоялъ съ копьемъ закованный въ сталь гигантскій рыцарь... И эти латы и все желѣзное убранство, покрытое чудесной гравировкой знаменитаго оружейника Модроне, были привезены отцомъ князя Никиты изъ Мантуи.

Въ одной изъ гостиныхъ, что была по пути Бельведерскому, стоялъ зеркальный шкапчикъ времени Людовика XV, весь наполненный драгоценными подарками Екатерины своему фавориту Алексѣю Атрыганьеву. Здѣсь были табакерки, осыпанные брилліантами, миниатюрные портреты императрицы, золотыя шкатулки, брилліантовый султанъ къ шляпѣ, трости съ фарфоровыми набалдашниками, расписанныя тончайшей разработкой миниатюрами Валто и Бушэ. На пространствѣ овала, меньшаго, чѣмъ серебряный рубль, помѣщались цѣлыя мнѣологическія композиціи со множествомъ фигуръ. Милліонныя сокровища заключались въ этомъ шкапчикѣ. Цѣлыя амфилады строгихъ музейныхъ покоевъ ступеньвались въ полумракѣ. Вотъ громадная бѣлоколонная зала съ большой мраморной статуей Екатерины. Бѣлѣбетъ бюстъ Александра I, въ лавровомъ вѣнкѣ и цезарской мантии. Холодно сіяетъ паркетъ, отражая въ себѣ предметы и мебель, какъ въ зеркалѣ.

Старый лакей Василій съ княжескими коронами на плоскихъ пуговицахъ фрака, безшумно ступая ногами въ коричневыхъ гетрахъ, шелъ за Бельведерскимъ, указывая отлично ему знакомую дорогу.

Бельведерскій думалъ:

„Музей, настоящій музей. И въ немъ безъ свѣта и солнца растеть нѣжный тепличный цвѣтокъ!“ Ему казалось, что княжна одиноко и холодно въ этомъ дворцѣ.

Вотъ и рабочая комната Софи. Здѣсь Алексѣй передалъ гостя

изъ своихъ рукъ въ другія—смазливенькой чернобровой Машѣ, горничной княжны. Опустивъ глаза, Маша раскрыла дверь передъ Бельведерскимъ. Потупленный взглядъ слабо маскировалъ не лишнюю лукавства улыбку. Ничего не зная опредѣленнаго, Маша своимъ женскимъ сердцемъ угадывала, что красивый художникъ нравится, и не на шутку, ея сіятельству.

Хотя рабочая комната княжны была большая, высокая, и вся мебель здѣсь была въ суровомъ стилѣ имперіи, однакоже какой-то неуловимый уютъ сказывался вездѣ и во всемъ.

— Обождите минуточку, ихъ сіятельства сейчасъ выйдутъ. Они кончаютъ свой туалетъ съ мадамой.

Бельведерскій остался одинъ. Подошелъ къ раскрытымъ клавирамъ. Нащипнулъ ноты. Не успѣлъ художникъ нагнуться къ нимъ, какъ услышалъ за спиной мягкій, мелодичный голосъ:

— Это я сегодня получила, какъ новость. Опера Доницетти „Энрико ди-Боргонья“. Есть прелестные мотивы. Удивляюсь, что эта опера не имѣла успѣха въ Венеціи.

Бельведерскій почтительно склонился, бережно коснувшись тонкихъ пальчиковъ дѣвушки. Эти пальчики, которые онъ имѣлъ смѣлость задержать полсекунду больше, чѣмъ слѣдовало, чуть дрогнули въ его рукѣ.

Княжна была скорѣе миниатюрна. Граціозность всей фигуры, движеній скрадывала невысокій ростъ. Изъ пышно взбитыхъ рукавовъ со множествомъ складокъ выходили покатыя узкія плечи, бѣлыя, съ голубыми жилками и точеной формы.

Вдоль щекъ, вепыхнувшихъ румянцемъ, виноградными кистями висѣли упругіе локоны. Головка словно короной была увѣнчана ниткой крупнаго жемчуга съ ниспадавшей на чистый лобъ межъ темными бровями громадной овальной жемчужиной.

— Княжна, я помѣшалъ вамъ. Вы собирались къ Олсуфьевымъ. Я сейчасъ уйду, я только хотѣлъ...

— Ахъ, нѣтъ же,—съ улыбкой перебила княжна.—У меня еще цѣлый часъ времени. Пока еще мадамъ Гранжъ соберется. Садитесь, мы поговоримъ. Скажите о себѣ: что вы дѣлаете? какую картину сочиняете?

— Теперь я готовлюсь, княжна, къ программѣ на большую золотую медаль.

— Которую вамъ, конечно, дадутъ.

— Почему знать!

— О, съ вашимъ талантомъ. Портретъ, который вы написали, приводитъ всѣхъ въ восхищеніе. Сравниваютъ васъ съ Левицкимъ. Кстати, эта большая золотая медаль, съ нею связано какое-нибудь особенное отличіе?..

— Шесть лѣтъ пребыванія въ Италіи пенсионеромъ академіи.

— Шесть лѣтъ!—вырвалось у дѣвушки.

Она сразу какъ-то притихла, и опустила низко ея головка, что вздрогнула посреди чистаго лба крупная жемчужина, и пламя восковой свѣчи зажгло ее тусклыми перламутровыми, радужными и опаловыми огнями.

Ликующимъ восторгомъ наполнилась грудь Бельведерскаго. Неужели она?.. Въ мысляхъ даже боялся онъ вымолвить страшное слово: „любить“. Неужели...

Софья овладѣла собою. Но все же въ ея сѣрыхъ глазахъ—она подняла ихъ, смотрѣла на Бельведерскаго—онъ прочелъ тоску.

— Скажите, скажите мнѣ,—собиралась она:—когда же вы ѣдете? Боже, какъ далеко!

— Не раньше ноября мѣсяца.

Княжна считала, загибая пальчики:

— Теперь у насъ что? Теперь мы имѣемъ апрѣль. Май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь—и вы въ божественной Италіи, тамъ, гдѣ родились эти звуки Доницетти, тамъ, гдѣ самый воздухъ пропитанъ искусствомъ. Ну, что жъ,—отправляйтесь добывать вашу славу. А года черезъ два и мы съ папой приѣдемъ въ Римъ. Вы будете знаменитымъ. Успѣхъ вскружитъ вамъ голову, и вы не узнаете меня. Правда... Нахмуривъ брови, спросите: „кто это такая?“

И Софья потѣшно—и бездна привлекательности было въ этой гримаскѣ—сощурила брови съ дѣтской надменностью.

— Княжна,—взмолился Бельведерскій:—даже и самыя шутки подобнаго рода—страшный грѣхъ!

Онъ попросилъ княжну сыграть ему что-нибудь изъ новой оперы Доницетти. Когда Софья склонилась надъ клавирами, и нѣжные, ласкающіе звуки особеннымъ какимъ-то очарованиемъ наполнили комнату, Аполлонъ украдкой вынулъ маленькій альбомъ, сталъ зарисовывать профиль дѣвушки.

И безъ конца хотѣлъ бы онъ слушать, рисовать, любоваться. Но выросла въ двери Маша и, маскируя плутовскую улыбку, напомнила:

— Ваше сіятельство. Карета давно подана. И мадама уже готовы.

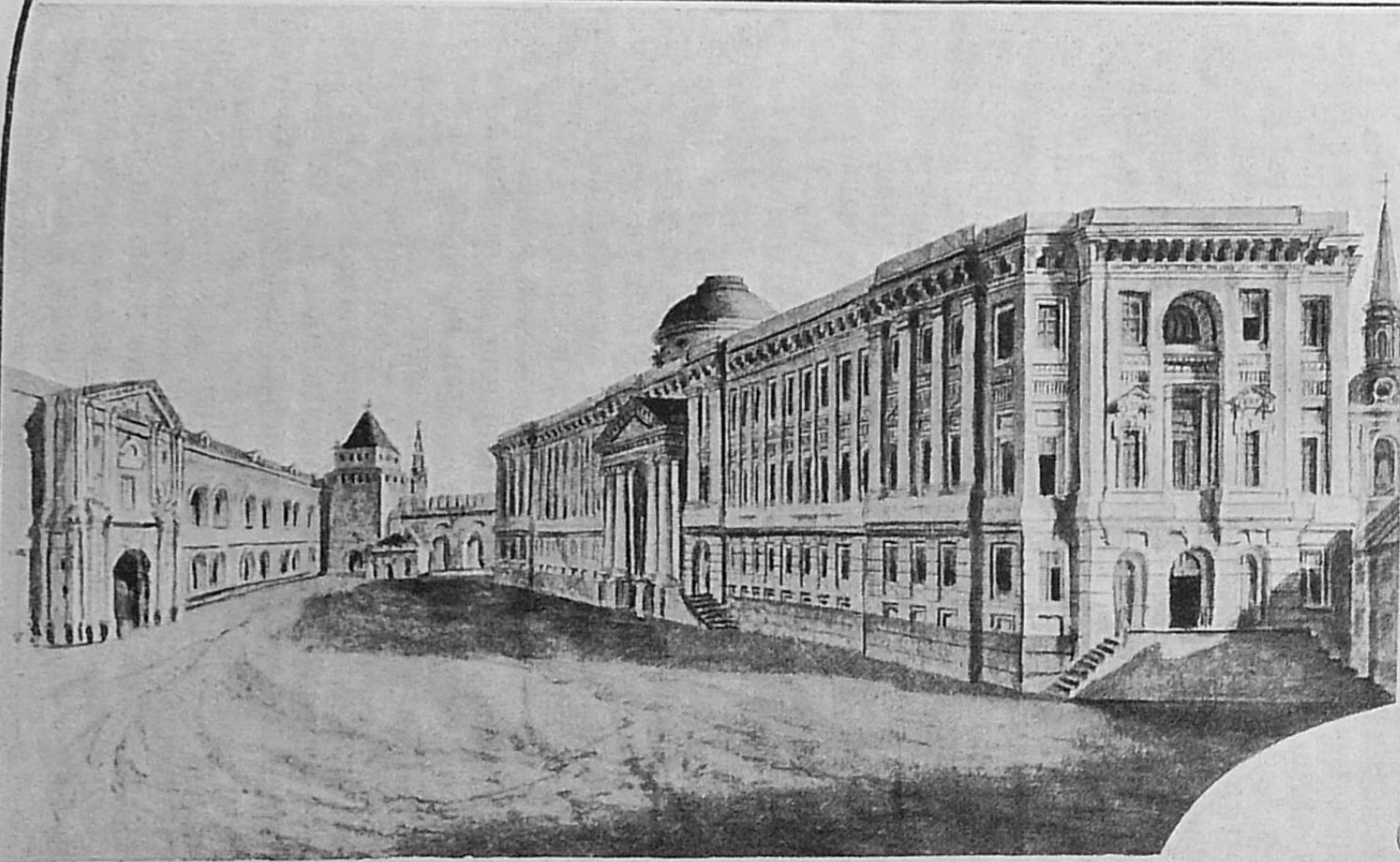
Трепетъ неудовольствія пробѣжалъ по бѣлымъ, точенымъ плечикамъ Софи:

— Ахъ, Маша, сколько разъ я просила не называть меня сіятельствомъ!

— Не смѣю иначе,—потупившись, возразила Маша.

Опять вновь пальчики Софи долѣе, чѣмъ слѣдовало бы, задержались въ позатиі. Софи вепыхнула, отдернула руку, и досаду на себя за это и еще сильнѣе смущенная...

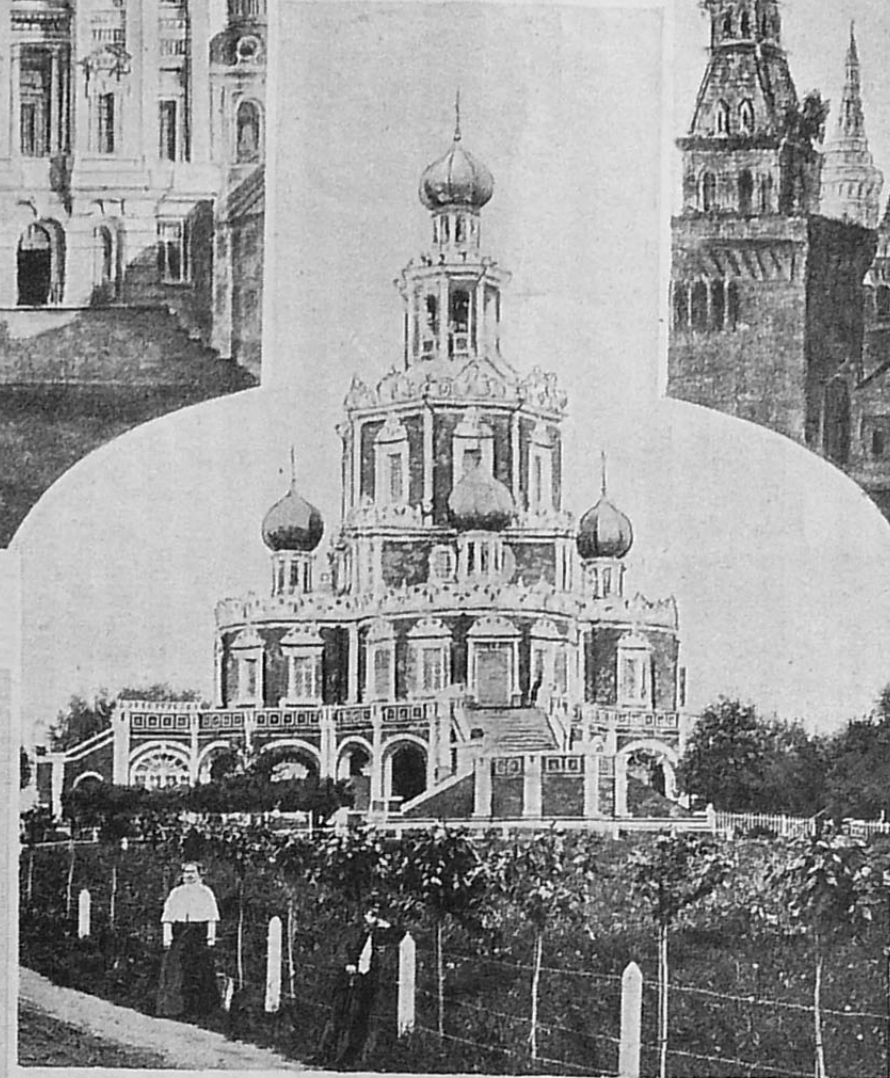
(Окончаніе слѣдуетъ).

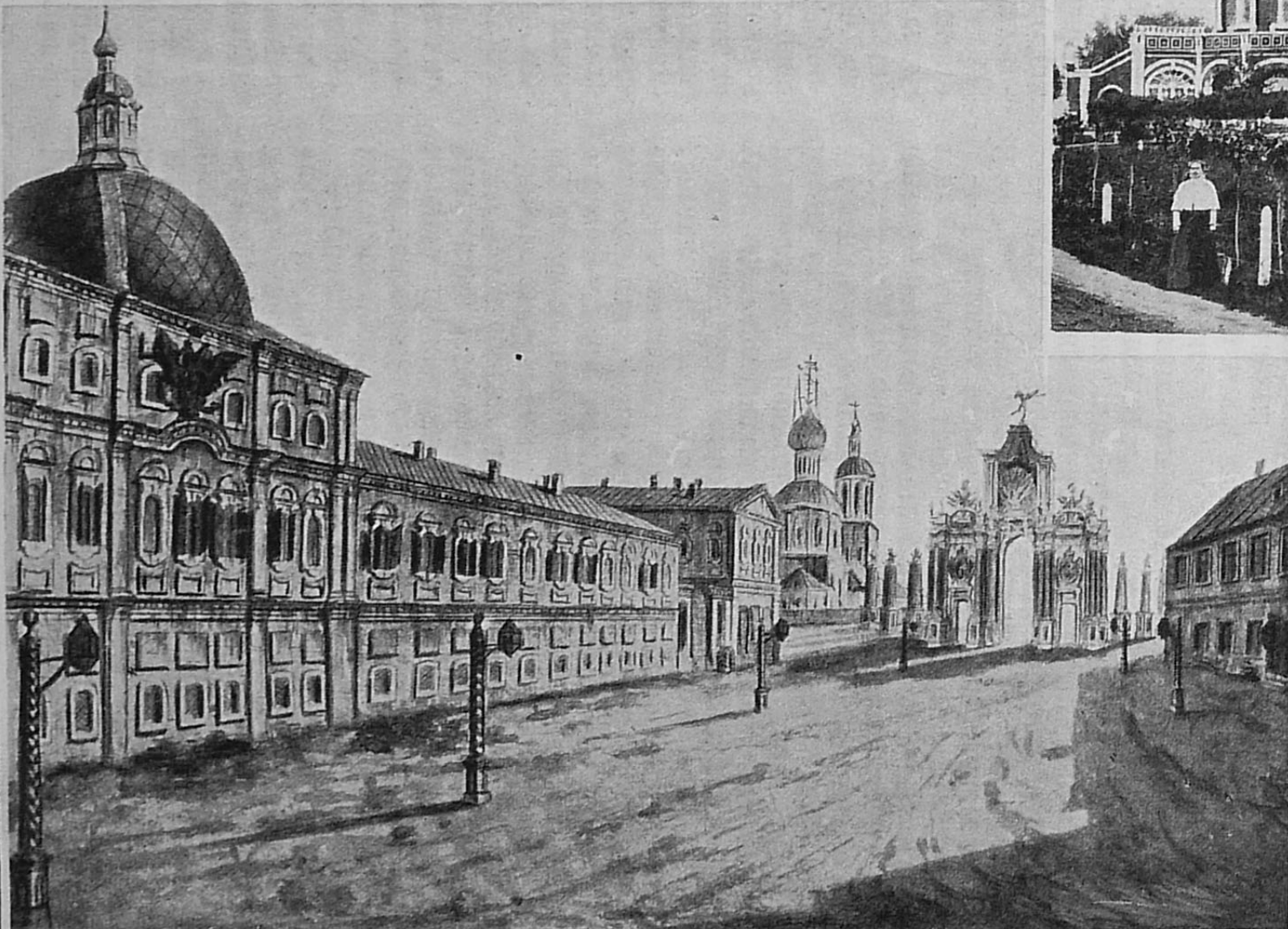
Сенать, арсеналь и Никольскія ворота до 1812 г.

Кремлевскій дворець.

Церковь Покрова въ Филяхъ подь Москвою, разоренная французами въ 1812 г.

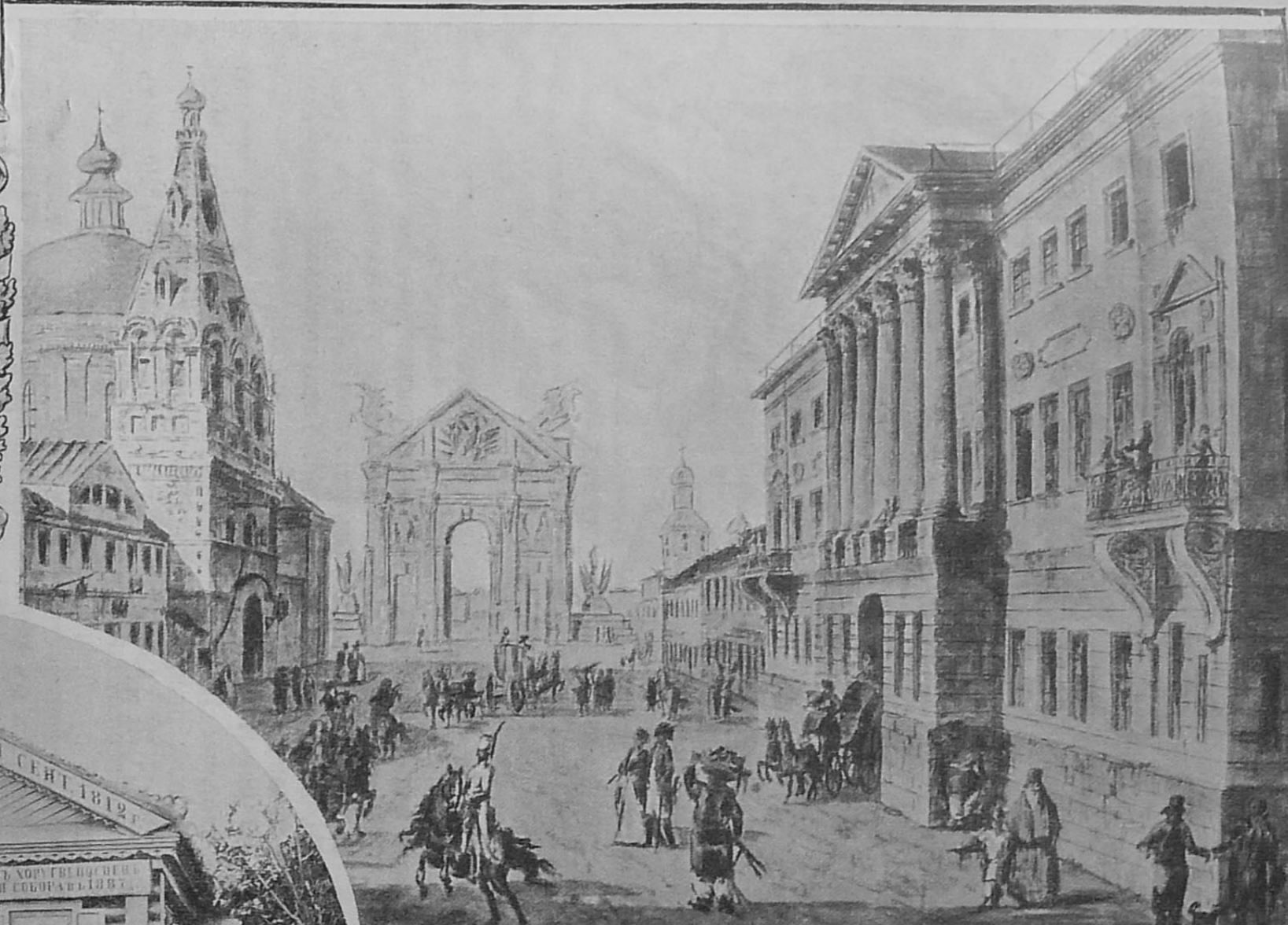
Красныя ворота.

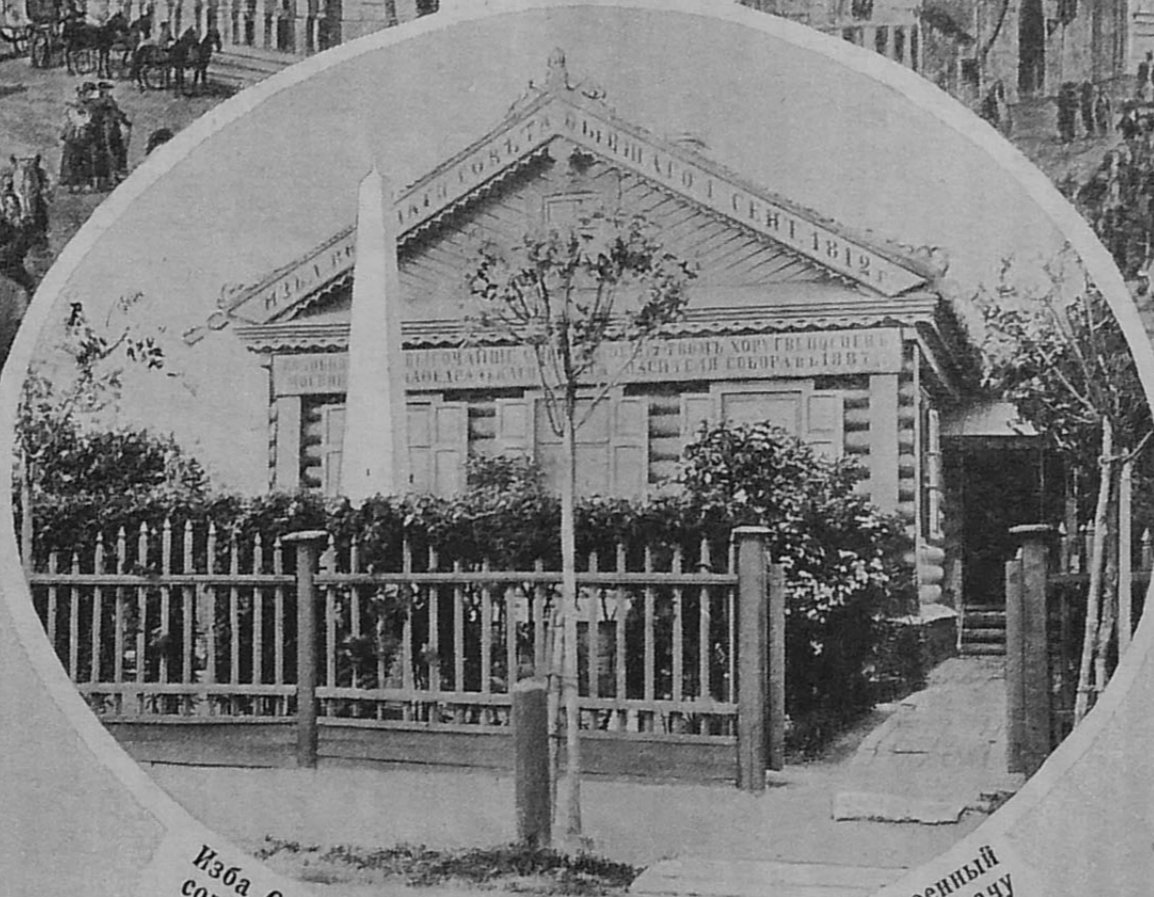
Иллюминація Москвы при Императорѣ Александрѣ I.

Гостинный дворъ. Никольская улица съ Гостинымъ дворомъ, сгорѣвшимъ въ 1812 г.

Домъ градоначальника (потомъ кн. Бѣлосельскаго) на Тверской улицѣ.

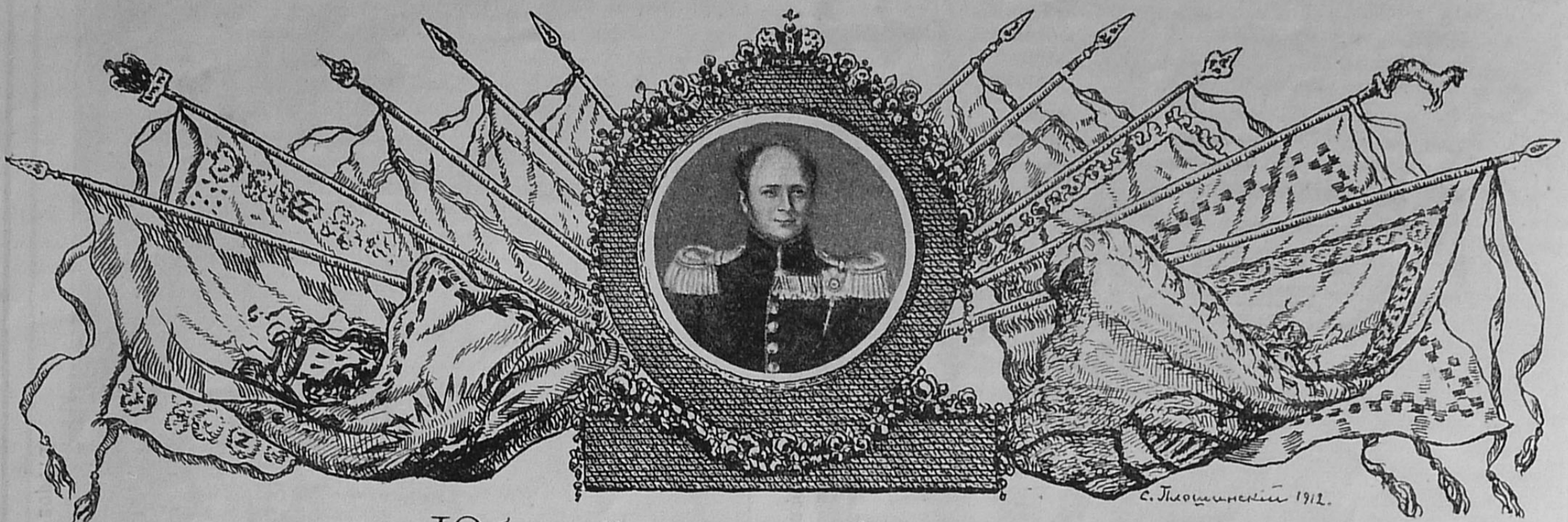
Изба Совѣта въ Филяхъ подѣ Москвою, гдѣ былъ военный совѣтъ подѣ предсѣдательствомъ Кутузова, рѣшившій отдачу Москвы французамъ въ 1812 г.

Теремъ Золотая Рѣшетка (впослѣдствіи Красное Крыльцо).

Спасскія ворота.

Юбилей страданія и славы.

Очеркъ.

(Окончаніе).

„Теперь ни шагу назадъ“,—будто бы сказалъ тогда Кутузовъ. И дѣйствительно, съ этого времени начинается періодъ преслѣдованія французовъ. Начинается длительное и тяжелое для насъ, но зато побѣдоносное изгнаніе „двадцати языкъ“ изъ предѣловъ Россіи. Нашествіе Наполеона въ грубой схемѣ можетъ быть представлено, какъ путешествіе „туда и обратно“. Такъ вотъ, съ Тарутина начинается это „обратно“, превратившееся въ жестокую трагедію безчисленныхъ смертей и страданій великой арміи и ея постепеннаго таянія среди жестокихъ морозовъ великой Россіи.

Схема эта проста и страшна въ своей простотѣ. „Туда“ мы отступали, „обратно“—отступалъ Наполеонъ. И все по тому же пути. И туда и обратно проходились все тѣ же Вильна, Могилевъ, Смоленскъ, Березина... Но только впередъ французы шли, стремясь за счастьемъ, назадъ же они шли, убѣгая отъ смерти... И счастье на ихъ переднемъ пути уходило отъ нихъ, а смерть на обратномъ пути ихъ наступала.

Французы вышли изъ Москвы, какъ заурядные грабители, побывавшіе въ богатой квартирѣ: за войскомъ слѣдовалъ обозъ съ награбленными сокровищами, громадный поѣздъ повозокъ съ предметами роскоши... Здѣсь былъ также и собственный „trésor“ самого Наполеона. Невольно казалось, что весь походъ Наполеона, всѣ кровопролитныя сраженія, весь ужасъ Бородина имѣлъ цѣлью только то, чтобы залѣзть силой въ чужой городъ и увезти оттуда дорогія шубы, золотыя паникадила, оклады иконъ и драгоценности покинутыхъ хозяевами ювелирныхъ магазиновъ. Все величіе пышныхъ замысловъ Наполеона свелось къ этому вульгарному результату и къ кровавой эпопеѣ страданій, на которыя онъ обрекъ свои войска, такъ легкомысленно не подумавъ ни о климатѣ Россіи ни о ея пространствахъ...

Общая картина событій, послѣдовавшихъ послѣ выхода французовъ изъ Москвы и ознаменовавшихъ вторую половину войны, такова: Наполеонъ всѣми силами стремится выйти на дорогу къ Калугѣ, гдѣ было много всякихъ припасовъ и провіанта. Кутузовъ же всѣми силами старается направить его по старой голодной дорогѣ, что въ концѣ концовъ и удается. А затѣмъ въ дѣло вмѣшивается сама природа. Наступаютъ неожиданно въ ноябрѣ страшные морозы, и отступление наполеоновской арміи превращается въ настоящее бѣгство, которое дѣлается все болѣе и болѣе стремительнымъ и беспорядочнымъ по мѣрѣ приближенія къ границѣ. Великая армія таетъ съ поразительной быстротой, устлая путь отступления трупами людей и лошадей. Война принимаетъ чисто народный характеръ, такъ какъ воюющей стороной становится, помимо регулярнаго войска, и самъ народъ, т.-е. крестьяне, которые подкарауливаютъ отдѣльные отступающіе отряды и уничтожаютъ ихъ. Возникаетъ цѣлая система партизанскихъ дѣйствій, участие въ которыхъ принимаютъ и регулярныя войска.

Это было то время, о которомъ говорится въ извѣстномъ стихотвореніи Дельвига:

И жалко и смѣшно ихъ даже вспомнить:
Окутаны отъ стужи, чѣмъ могли—
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей.
Убрался всѣ, какъ святочныя хари
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы.
Не далеко ушли же. По дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья—
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ у села,
Сожженного ихъ буйствомъ...

..И какъ лежать...

Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы—живые на бивакѣ
Комедію ломають... Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой. Тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя. Другой
Ея копыто гложетъ...

Хронологическій ходъ военныхъ событій въ этотъ періодъ войны таковъ: послѣ Тарутина вспыхнуло сраженіе подъ Малоярославцемъ, результатомъ котораго было то, что Наполеонъ занялъ этотъ городъ (послѣ того, какъ онъ восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки), но зато задержался здѣсь, и задержка эта дала намъ возможность стянуть войска, а кромѣ того, французы убѣдились здѣсь въ невозможности пробиться на „сытую“ Калужскую дорогу и повернули на голодную Смоленскую. 14 октября Наполеонъ окончательно рѣшилъ (въ Городнѣ) отступать по старой дорогѣ. 22 октября мы взяли Вязьму, 28-го дважды разгромили французовъ: у Ляхова и на переправѣ черезъ рѣку Вопь, забравъ множество плѣнныхъ и орудій (корпуса Ожеро и вице-короля Евгенія). Затѣмъ послѣдовали четыре дня сраженій подъ Краснымъ (3—6 ноября), во время которыхъ былъ захваченъ жезлъ маршала Даву.

Французы приближались къ переправѣ черезъ Березину. Мы готовили имъ здѣсь, по личному плану императора Александра, ловушку. Генералы Милорадовичъ, Ермоловъ, адмиралъ Чичаговъ и атаманъ Платовъ должны были запереть здѣсь Наполеону выходъ изъ Россіи. Планъ былъ разработанъ блестяще. Русскія войска окружили „великую армію“. Но Чичаговъ въ критическій моментъ прозѣвалъ Наполеона и далъ ему уйти. Ловушка удалась только отчасти: Наполеонъ съ ближайшими изъ своихъ маршаловъ и сотрудниковъ успѣлъ проскочить черезъ Березину, и намъ достался только аррьергардъ. Эта неловкость Чичагова имѣла роковыя послѣдствія для всего остального хода событій. По выраженію одного изъ тогдашнихъ военныхъ дѣятелей, на свободѣ „остались хорошія головы, къ которымъ можно придѣлать какіе угодно хвосты“. Если бы мы поймали не хвосты, а эти умныя и энергичныя головы, то, быть-можетъ, не было бы надобности въ кровавой кампаніи 1813—14 годовъ, Наполеонъ не грозилъ бы европейскому миру еще въ теченіе трехъ лѣтъ, и вся европейская исторія того времени повернулась бы иначе. У насъ много негодовали на „сухопутнаго адмирала“ Чичагова, много смѣялись надъ нимъ, Крыловъ написалъ по его адресу ядовитую басню „Щука и Котъ“. Щука вздумала ловить мышей, но мыши ушли у нея изъ-подъ носу и отѣли у нея хвостъ:

Это, щука,
Тебѣ наука—
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить...

Недостаточно согласованный образъ дѣйствій русскихъ войскъ подъ Березиной далъ поводъ знаменитому баснописцу написать и еще одну басню, относящуюся къ этому событію: „Лебедь, Ракъ и Щука“:

Когда въ товарищахъ согласія нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
Однажды Лебедь, Ракъ и Щука
Везти съ поклажей возъ взялись
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись...
Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду...

Переправа черезъ Березину, какъ извѣстно, ознаменовалась страшной катастрофой: проломилась наведенная второпяхъ фран-

цузами мосты, и множество народа (и войска и слѣдовавшие за войскомъ невоенные люди и женщины) утонуло въ рѣкѣ, по которой уже плылъ густой ледъ. Потери, понесенныя здѣсь наполеоновской арміей, были прямо неисчислимы.

Дальнѣйшее отступленіе французовъ превратилось въ настоящее безпорядочное бѣгство. Отдѣльные отряды и даже просто кучки отступавшихъ защищались геройски отъ нападавшихъ на нихъ казаковъ Платова, но они только истощали послѣднія силы и послѣдніе заряды въ непосильной борьбѣ. Вся дорога начала покрываться трупами замерзшихъ и обезсиленныхъ отъ голода людей.

По словамъ очевидца, „уже невозможно было отличить генераловъ отъ офицеровъ: какъ и солдаты, они были одѣты во все, что имъ попадалось. Зачастую генералъ былъ покрытъ плохимъ одѣломъ а солдатъ—дорогими мѣхами. Самосохраненіе являлось единственнымъ двигателемъ этихъ несчастныхъ: если два человека находили немного дровъ и разводили костеръ, то третьяго, подошедшаго отогрѣться и умиравшаго отъ холода, жестокосердно гнали прочь, если онъ не приносилъ своей доли дровъ для поддержания огня. А между тѣмъ у костра было мѣсто, и двѣ протянутыя къ огню замерзшія руки не отнимали тепла отъ костра.

Чѣмъ дальше двигались, тѣмъ лошадей становилось меньше. Тѣхъ лошадей, которыхъ предназначали себѣ въ пищу, уже не могли убивать и разебать на части, такъ какъ озябшія руки отказывались служить для этого и замерзали. А потому у бывшихъ еще на ногахъ лошадей вырѣзывали куски мяса изъ крупа. Бѣдныя животныя не подавали виду, что имъ больно: очевидно, подъ вліяніемъ холода у нихъ происходило полное онемѣніе членовъ и нечувствительность тѣла. При 28 и 30 градусахъ мороза вытекавшая кровь мгновенно замерзала и оставалась кровоточеніе. Потомъ эти несчастныя животныя брели еще нѣсколько дней съ вырѣзанными изъ крупа громадными кусками мяса. Только мѣнялся цвѣтъ сгустковъ крови, дѣлаясь желтымъ и покрываясь гноемъ.

Характерную особенность Отечественной войны (во второмъ ея періодѣ) составляютъ участіе въ ней народа и партизанскія дѣйствія отдѣльныхъ героевъ.

Все время, пока разстроенная наполеонская армія двигалась обратно изъ Россіи—на всемъ громадномъ протяженіи отъ Тарутина и до Вильны ея преслѣдовали отряды партизановъ и добывали ее, отнимая у нея послѣдніе запасы и послѣднія силы.

О партизанской войнѣ двѣнадцатаго года много писалось. Имена Сеславина, Дорохова, Дениса Давыдова и въ особенности Фигнера вошли въ исторію и вѣбрились въ народную память, окруженные ореоломъ легендъ.

Еще въ то время, когда наша армія двигалась къ Бородину, возникла первая мысль о созданіи особыхъ отрядовъ, составленныхъ изъ охотниковъ, съ тѣмъ, чтобы эти отряды постоянно тревожили непріятели въ тылу и съ боковъ. Первый, кто высказалъ эту мысль, былъ подполковникъ гусарскаго Ахтырскаго полка Денисъ Давыдовъ. Онъ же предложилъ себя для выполненія своей мысли. Давыдову дали 50 гусаръ и 80 казаковъ, и съ этимъ маленькимъ отрядомъ онъ забрался въ тылъ французамъ и послѣ Бородинскаго сраженія отбилъ у нихъ два обоза и захватилъ въ плѣнъ свыше ста человекъ. Это и послужило началомъ партизанскихъ дѣйствій.

Кутузовъ придавалъ громадное значеніе этимъ дѣйствіямъ и даже старался втянуть въ нихъ крестьянъ. Онъ подолгу бесѣдовалъ съ приходившими въ тарутинскій лагерь крестьянами, утѣшалъ ихъ, что врагъ скоро погибнетъ, и приказывалъ давать оружіе тѣмъ изъ нихъ, кто выражалъ желаніе биться съ непріятеlemъ. Въ результатѣ, много крестьянъ пристало къ партизанскимъ отрядамъ, помогало имъ выслѣживать французовъ, указывало обходныя дороги. А нѣкоторые изъ крестьянъ потомъ и на свой страхъ ходили бить французовъ, и, какъ мы знаемъ, съ успѣхомъ. Извѣстный художникъ Прянишниковъ изображаетъ въ одной изъ своихъ картинъ, какъ русскіе мужики ведутъ цѣлую партію оборванныхъ и полузамерзшихъ французовъ, вооруженные только вилами и топорами. Участіе въ этихъ „боевыхъ операціяхъ“ принимали даже бабы.

Партизаны были обреченные. Французы смотрѣли на нихъ, какъ на разбойниковъ, и безжалостно разстрѣливали въ случаѣ, если тѣ попадались имъ въ плѣнъ. Столь же сурово обращались съ врагомъ и сами партизаны. У нихъ было даже правило: „брать плѣнныхъ какъ можно меньше“. Лишніе тоже разстрѣливались. Это была война не на жизнь, а на смерть, — война не рыцарская, а первобытная, проникнутая ненавистью, и притомъ ненавистью сознательною. Солдаты воюющихъ армій не всегда отдають себѣ отчетъ, за что и во имя чего они сражаются. Партизаны же двѣнадцатаго года прекрасно знали это. Ими руководилъ гнѣвъ за обиженную, оскверненную, разоренную родную землю. Объ одномъ изъ нихъ (Фигнерѣ) говорили, что онъ возненавидѣлъ французовъ послѣ того, какъ увидѣлъ въ одномъ селѣ, откуда только-что были вытѣснены французы, оскверненную ими церковь и въ ея алтарѣ трупы маленькихъ дѣвочекъ, сдѣлавшихся жертвами гнуснаго негодяйства непріятели. Фигнеръ послѣ того не зналъ уже никакого сожалѣнія и никакой пощады. Онъ питалъ къ врагу какую-то фанатическую ненависть и сдѣлался настоящимъ бичомъ ихъ.

О Фигнерѣ и его подвигахъ сохранилось множество рассказовъ—едва ли не болѣе, чѣмъ о комъ-либо изъ другихъ партизановъ. Владѣя французскимъ языкомъ, какъ прирожденный французъ, онъ пробирался въ непріятельской станъ, заводилъ разговоры съ французами и вывѣдывалъ у нихъ, что ему было надо. Такъ однажды онъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ перодѣлись во французскіе мундиры и отправились въ лагерь Мюрата. Французскій часовой спросилъ пропускъ. Фигнеръ сдѣлалъ солдату выговоръ за якобы неправильное несеніе караульной службы и объяснилъ ему, что онъ повѣряетъ посты. Сбитый съ толку солдатъ пропустилъ русскихъ партизановъ, и Фигнеръ, развѣдавъ въ лагерѣ у встрѣчныхъ офицеровъ нужныя ему данныя, благополучно возвратился обратно. На обратномъ пути онъ еще разъ выбранилъ часового за то, что тотъ ничего не понимаетъ въ своемъ дѣлѣ и пропускаетъ въ лагерь перваго встрѣчнаго. Послѣ этого онъ далъ шпоры лошади и поскакалъ. И только тогда караульный опомнился и послалъ вдогонку Фигнеру нѣсколько пуль, но безрезультатно.

Партизаны иногда соединялись для совмѣстныхъ дѣйствій противъ французовъ и однажды (а именно 27 сентября) даже взяли городъ Вереву, укрѣпленный и занятый французами. А въ другой разъ партизаны едва не взяли въ плѣнъ и самого Наполеона.

Преслѣдуемая со всѣхъ сторонъ и партизанами и регулярными войсками, терзаемая голодомъ и морозами, „великая армія“ или, точнѣе, ея жалкіе остатки, подходила къ Вильнѣ. Наполеонъ не пожелалъ оставаться при арміи въ эти тоскливые и страшные дни и покинулъ ее. Онъ бѣжалъ отъ нея, какъ недобросовѣстный должникъ, разорившій своего кредитора. Раздѣляя со своими солдатами въ былые дни свою славу, онъ не пожелалъ раздѣлить съ ними позоръ и несчастіе и бросилъ ихъ на пути.

23 ноября онъ передалъ начальство надъ остатками арміи Мюрату и выѣхалъ изъ мѣстечка Сморгонь на обывательскихъ лошадяхъ по направленію къ границѣ. Двумя днями раньше онъ выпустилъ знаменитый 29-й бюллетень, въ которомъ рѣшился наконецъ оповѣстить Европу о постигшихъ его бѣдствіяхъ. Въ этотъ день великій полководецъ и военный геній расписался въ своемъ позорѣ и несчастіи предъ лицомъ всего міра. Ничего не могло быть печальнѣе этого униженія...

Въ пошевняхъ, на жалкихъ клячахъ,
Бѣдетъ той же онъ дорогой,
Гдѣ прошелъ еще недавно
Полный гордости и славы...

(Майковъ).

Какія мысли приходили тогда ему въ голову?.. Вспоминалъ ли о томъ пренебреженіи, съ какимъ отнесся еще до войны къ словамъ русскаго посланника, заявившаго, что за русскимъ государемъ стоитъ весь русскій народъ?

Онъ тогда расхохотался...
А теперь... Такъ вотъ что значитъ
«Весь народъ...» И безнадежно
Вдаль онъ взоры устремляетъ.
Что-то грозное таятся
Тамъ, за синими лѣсами,
Въ необъятной этой дали...

Этому же бѣгству Наполеона посвящены и слѣдующіе стихи Пушкина:

Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ...
Содрогся счастья сынъ и, брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою,
Бѣжить...

26 ноября Наполеонъ переѣхалъ границу и черезъ два дня былъ въ Варшавѣ. Онъ сказалъ встрѣтившимъ его польскимъ сановникамъ: „Вы удивляетесь, видя меня здѣсь... Я не въ силахъ былъ воевать со стихіями. Пусть судить меня потомство. Я сдѣлалъ промахъ, оставшись двѣ лишніе недѣли въ Москвѣ. Меня обманули увѣреніями, что дворяне примутъ мою сторону, и что крестьяне прибѣгнутъ ко мнѣ, чтобы выйти изъ рабства. Все это оказалось ложью. И крестьяне и дворяне оставались вѣрноподанными императора Александра... Все это дикій, суевѣрный народъ, съ которымъ ничего не подѣлаешь... Я ѣду въ Парижъ, чтобы подготовиться къ другой кампаніи, и возвращусь весной съ новой арміей...“

7 декабря Наполеонъ былъ уже въ Парижѣ... Къ этой порѣ брошенная имъ армія уже покинула русскую границу.

Дальнѣйшая ея агонія послѣ того, какъ Наполеонъ уѣхалъ отъ нея, тянулась не долго. Въ послѣднихъ числахъ ноября остатки французскихъ войскъ добрались до Вильны. Изъ 107-тысячной арміи, съ которой Наполеонъ выступилъ изъ Москвы, до Вильны дошло только около 9 тысячъ, да и то потерявшихъ всякій образъ военный. По-настоящему вооруженныхъ и еще годныхъ для боевыхъ дѣйствій солдатъ насчитывалось едва съ тысячу.

Въ Вильнѣ разыгралась новая трагедія. По словамъ современника, „много народа погибло у самыхъ воротъ города жертвами страшной давки и жестокаго холода. Подобно тому, какъ подъ

Бережиной, топча ногами умирающих товарищей, обезумевшая толпа бурными потоками ворвалась в оцепеневший от ужаса город, испуганные жители которого заперлись в домах и отказывались впускать к себе войска. Блестящую картину представляли наполеоновские воины, тщетно умолявшие при 28 градусном морозе, в лохмотьях, открыть им двери жилищ. Переполненные больницы и казармы не могли уже больше вмещать людей, да и сами по себе представляли ужасающую картину. Все эти помещения были буквально загромождены трупами, умирающими и больными, валявшимися на голом полу неотопляемых зданий.

Французские войска оставили Вильну 28 ноября. Следом за ними в Вильну вошли русские. 29-го въехали сюда Кутузов. Он остановился здесь на отдых и доносил государю о крайней необходимости такого отдыха: „Главная наша армия... несколько разстроилась. Число ее приметно уменьшилось. Люди в очевидное пришли изнурение“.

Действительно, и нашей армии пришлось тяжело во время этого неслыханного похода за тысячу верст, среди страшных морозов и сражений. Преследование французов пало на нас тяжелыми потерями: отступавший враг, хотя и смертельно раненый, кусался больно и сердито. По выступлении из Тарутина наша армия имела около 100.000 человек при 622 орудиях. А в Вильну пришли всего 27.500 человек с 200 орудиями. Около 50.000 больных, раненых и обмороженных были разбросаны по разным госпиталям. Остальные 25 тысяч были убиты, умерли от ран и болезней или замерзли.

Последние военные действия в пределах России разыгрались в г. Ковно, на границе — на берегах того же самого Немана, через который в июнь этого года Наполеон переправился в Россию, „увлекаемую Роком“...

По очищении Вильны, французы бежали в Ковно. 2 декабря к Ковно подошли казаки Платова и несколькими выстрелами из орудий заставили бежать арьергард Нея. Арьергард этот в тот же день погиб окончательно по собственной вине. В Ковно имелся огромный запас спирта. Солдаты Нея не устояли пред соблазном и перепились. При общей слабости, полном истощении и тридцатиградусном морозе они совершенно обезумели и сотнями замерзли. Кроме того, вспыхнул пожар и распространился со страшной быстротой. И опьяневшие люди дались жертвами огня, не сознавая своего положения. Весь город сгорел, со всеми домами, переполненными людьми. Пожар, так подорвавший силы французов в Москве, роковым образом продолжал свое разрушительное дело и здесь, в этом убогом пограничном городишке, откуда врагам оставалось сделать всего только один шаг, чтобы покинуть Россию... Этим огненным финалом и завершилась наполеоновская эпопея в России...

Из великой армии возвратилось обратно через Неман только одна тысяча (400 человек старой гвардии и 600 гвардейской конницы) с 9 орудиями и около 20 тысяч разного невоенного сброда.

Платов гнал эти остатки до самой Вислы и 6 декабря донес великому князю Николаю Павловичу: „На самый день сей остатки дерзкого неприятеля, преследуемого и поражаемого Донскими казачьими полками за границу, разбиты в прах. Взято четыре пушки и в плен до трех тысяч. А погибающие самые малые уже остатки его разбросаны, прогнаны к стороне Вислы“.

Обет, который дал император Александр при вторжении французов („Не положу оружия, пока ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем“), уже мог быть им теперь исполнен. В русской земле не оставалось ни единого вооруженного неприятеля. Кутузов, получивший Георгия 1-й степени и милостивые слова: „Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу“, советовал государю положить оружие. Он доказывал, что продолжение кампании за пределами России не принесло бы России новых лавров и доставило бы выгоды только Пруссии и Австрии, но не нам. Император не согласился с престарелым полководцем. — „Нельзя, — возражал он: — если хотим мира прочного и надежного, то его надо подписать в Париже. В этом я глубоко убежден“. Александру как бы требовалось гармоническое заключение борьбы с Наполеоном: в захват Парижа он видел как бы необходимый гармонический аккорд, уравнивавший захват Наполеоном Москвы. И оружие не было нами положено: война продолжалась... Но для русских людей борьба с „антихристом“ уже была закончена.

25 декабря 1812 года был издан Высочайший манифест об изгнании двадцати языков. Приводим некоторые места из этого замечательного исторического документа:

„Бог и весь свет тому свидетель, с какими желаниями и силами неприятель вступил в любезное Наше Отечество. Ничто не могло отвратить злых и упорных его намерений. Твердо надбьющийся на свои собственные и собранные им против нас почти со всех европейских держав страшные силы и подвижаемый алчностью завоевания и жаждою крови, спешил он ворваться в самую грудь Великой Нашей Империи, дабы излить на нее все ужасы и бедствия не случайно порожденной, но издавна уготованной им всеопустошительной войны...“

„Какой пример храбрости, мужества, благочестия, терпения и твердости показала Россия! Казалось, с пролитием крови ее

умножался в ней дух мужества, с пожарами градов ее воспалаясь любовь к отечеству, с разрушением и поруганием храмов Божьих утверждалась в ней вера и возникало непримиримое мщение. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом — все государственные чины и состояния, не щадя ни имущества своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью к Богу. От сего всеобщего согласия и усердия вскоре произошли следствия, едва ли имовверные, едва ли когда слыханные.“

„Едва проходит шесть месяцев от вступления его (неприятеля) в Наши пределы, и где он? Здесь прилично сказать слова священного пророка: виден нечестиваго превозносящаяся и высящаяся, яко кедр ливанский. И мимо идох, и се не бы, и взысках его, и не обретея место его. Поистини сие высокое изречение совершилось во всей силе смысла своего над гордым и нечестивым нашим неприятелем. Где войска его, подобныя туче нагнанных ветрами черных облаков? Разсыпались, как дождь.“

„Нынче с сердечной радостью и горячею к Богу благодарностию объявляем Мы любезным Нашим верноподданым, что событие превзошло даже и самую надежду Нашу, что объявленное нами при открытии войны сей выше меры исполнено уже. Нет ни единого врага на лица земли Нашей. Или лучше сказать, все они здесь остались, но как? Мертвые, раненые и пленные. Сам гордый повелитель и предводитель их едва отсель ускакать мог, растеряв все свое воинство... Зрелище гибели его войск невроятно. Едва можно собственным глазам своим повверить... Кто мог сие сделать? Не отнимая достойной славы ни у главноначальствующаго над войсками нашими, ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ни вообще у всего храбраго Нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. Итак, да познаем в великом долгу сему Промыслу Божьему...“

Каковы были итоги Отечественной войны?

Ближайший итог ее был тот, что Россия оскудела людьми и деньгами. Россия устала от войны и обднела. В одной только Смоленской губернии население уменьшилось на 56 тысяч. Население Тверской губернии, сравнительно мало пострадавшей от войны, убавилось на 12 тысяч. Множество жертв унесли эпидемии, развившиеся после войны от гниения бесчисленных трупов, которые долго оставались непогребенными. Только по 1 января 1813 года в охваченном войной районе было подорвано и сожжено 430.707 человеческих трупов и 230.677 конских. Но это было далеко не все.

Что касается материальных убытков, то они исчислялись, разумется, миллионами. В одной только Московской губернии (правда, наиболее пострадавшей) убытки превысили 270 миллионов. В декабре 1812 года в распоряжении казны было всего 5 с четвертью миллионов, а между тем на содержание армии во время предполагавшагося заграничного похода требовалось немедленно свыше 14 миллионов золотом. Ассигнации у нас упали до гривенника за рубль. Приходилось делать заграничные и внутренние займы и жить доходами с многих будущих лет.

Но эти материальные итоги войны затмевались и поглощались итогами нравственными. В этом отношении у нас убытков не было, а были громадный успех и громадная нравственная прибыль. Война двенадцатого года объединила народные массы и заставила всех русских так или иначе — делом или разумением — принять участие в борьбе с ворвавшимся в нашу родину Наполеоном и заставила всех стать на защиту нашей национальности. В окончательном итоге русский народ совершил великий подвиг: он принес в жертву многое, чтобы сберечь еще большее — свою национальную независимость. Мало того, русский народ развнчал и столкнул в пропасть европейского идола, державшего под пятой народы и царей и обольщившего своей силой почти весь тогдашний цивилизованный мир. Как смотрели на Наполеона перед войной двенадцатого года и у нас? У нас его считали не только антихристом и апокалипсическим зверем, но находилось много образованных и интеллигентных людей, которые искренно преклонялись пред его человеконенавистническим гением. У нас боялись Наполеона. Война с ним казалась безумной. Была цлая военная партия во главе с выдающимися и авторитетными людьми, которые считали невозможным сопротивляться гению Бонапарта. Но русский народ показал призрачность наполеоновской силы и обаяния. Война двенадцатого года имела тот результат, что значение и мощь Наполеона быстро пали. Прошло три года агонии, и этот „потрясатель тронов“, рожденный на остров, был отправлен кончать свои дни — тоже на остров.

...Освещающая сила,
Непостижимая уму,
Его души не озарила
И не приблизилась к нему
Он был земной, не Божий пламень,
Он гордо плыл — презритель волн,
Но о подводный веры камень
В щепы разбился утлый чолн... (Тютчев).

Война двѣнадцатаго года и въ особенности послѣдовавшій за нею походъ въ Западную Европу имѣли и еще одинъ серьезный итогъ: русскіе побывали во Франціи, увидѣли только-что установленный и уже налаживавшійся новый порядокъ государственной жизни, въ которой преобладали демократическіе принципы и политическая свобода, — и вернулись обратно въ Россію съ уваженіемъ къ этимъ принципамъ. Можно сказать, что только послѣ двѣнадцатаго года въ Россіи въ общественныхъ нѣдрахъ начинается мало-по-малу просыпаться ясно сознание и выраженное стремленіе къ народному представительству и къ свободѣ политической личности. Это стремленіе въ свое время неоднократно вызывало рѣзкій отпоръ въ правящихъ кругахъ и всего ярче вылилось въ декабристскомъ движеніи, повлекшемъ такъ много жертвъ. Но такъ или иначе, ростки этихъ принциповъ и тяготѣній такъ и оставались съ того времени въ нашемъ обществѣ.

Знакомство съ заграницей внушило намъ вообще большій интересъ къ культурнымъ учрежденіямъ Запада, къ его литературѣ и общественной жизни. Такимъ образомъ походы, вызванные наполеоновскимъ нашествіемъ, несомнѣнно послужили къ большей культурности нашихъ общественныхъ круговъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не указать и на то, что война двѣнадцатаго года, закончившаяся торжествомъ нашего народа, пробудила даже въ самыхъ глухихъ нѣдрахъ его сознание своей національной силы и подняла народную личность. Современники говорятъ, что въ народѣ стало сказываться чувство собственного достоинства: люди стали ходить, выступать, говорить иначе. Пошли слухи о волѣ... Спасители отечества уже желали быть свобод-

ными гражданами... И если въ верхахъ общества послѣ наполеоновской эпопеи стало замѣтно стремленіе къ политической свободѣ, то въ народныхъ низахъ стало все болѣе и болѣе просыпаться и расти сознание и прочувствованное стремленіе къ освобожденію отъ крѣпостного ига. Такимъ образомъ въ упомянутой эпохѣ великой борьбы можно прослѣдить зародыши 19 февраля 1861 года и 17 октября 1905 года.

Но едва ли не всего замѣтнѣе (по крайней мѣрѣ для современниковъ) были тѣ итоги Отечественной войны, которые сказались въ нашемъ международномъ положеніи. Россія пріобрѣла блестящій ореолъ спасительницы Европы. Политическій авторитетъ нашъ тогда стоялъ чрезвычайно высоко. Наполеоновская эпопея создала намъ престижъ великой политической и военной силы, и мы почти полвѣка жили въ ореолѣ этого могущества и славы и шли впереди всей Европы...

Великое значеніе Отечественной войны становится все ярче и значительнѣе по мѣрѣ того, какъ мы вдумываемся въ внутренней смыслъ ея. По словамъ извѣстнаго историка А. Н. Пыпина, „Война двѣнадцатаго года была изъ тѣхъ великихъ войнъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память и производятъ сильное дѣйствіе на народную жизнь. Таковы бывають тѣ войны, въ которыхъ выражается извѣстное историческое начало, сильно затрагивающее народныя понятія, или рѣшается вопросъ національной независимости. Въ войнахъ этого порядка дѣйствующимъ лицомъ является не одна армія, но и народъ“...

Такою войною и была та война, столѣтіе которой — столѣтіе страданія и славы — мы только-что отпраздновали...

Бородинскія торжества въ С.-Петербургѣ. Панихида у дома, въ которомъ жилъ князь Кутузовъ и изъ котораго отправился къ арміи. Къ этому дому, находящемуся на Французской набережной, Спб. городскимъ общественнымъ управленіемъ 26 августа с. г. прибита памятная доска.

Въ старой Москвѣ.

(Съ 10 рис. на стр. 716 и 717).

Только-что минулъ столѣтній юбилей Бородинской битвы. Прошло сто лѣтъ и съ того рокового и знаменательнаго дня, когда въ опустѣвшую Москву вошли печальные побѣдители-неудачники, французы, и вспыхнулъ великій пожаръ, истребившій старую Москву.

Московскій пожаръ является своего рода гранью между Московской стародавней и Москвой позднѣйшей. Послѣдовавшія за нимъ новыя эпохи общественности создали иной укладъ московской жизни, во многомъ разнящійся отъ „допожарнаго“ уклада. Не говоря уже о болѣе близкомъ къ намъ времени, даже непосредственно за французскимъ нашествіемъ, въ новой, только-что отстроившейся Москвѣ уже многое пошло по-иному. И хотя Грибоѣдовъ ядовито посмѣивался: „дома новы, а предрасудки стары“, все-таки въ „старыхъ предрасудкахъ“ и въ грибоѣдовское время уже была пробита брешь, и тогдашнее московское общество, представители котораго побывали съ Александромъ I въ Западной Европѣ и приглядѣлись къ тамошнимъ обществен-

нымъ порядкамъ, стало понемногу жить иначе, чѣмъ въ прежнее время. Многие изъ того, что въ старой Москвѣ казалось естественнымъ и нормальнымъ, стало теперь казаться карикатурнымъ и нелѣпымъ. Появились иные нравы и иные люди. Самъ Грибоѣдовъ со своимъ Чацкимъ могъ появиться только послѣ московскаго пожара и „русскаго нашествія“ на Западную Европу.

Что же такое представляла собою эта старая, допожарная Москва того времени, когда въ нее вторгся Наполеонъ съ двадцатью языками? Какова была по своему виду и бытовому укладу эта принесенная въ жертву Москва? Какую внѣшность она имѣла тогда? Какъ жили въ ней?

Съ внѣшней стороны старая Москва въ началѣ XIX вѣка все еще представляла собою нѣсколько сплошныхъ городовъ и деревень — „сосредоточіе нѣсколькихъ міровъ“, какъ называла ее императрица Екатерина II. Это „сосредоточіе нѣсколькихъ міровъ“ было по преимуществу деревянное: каменныхъ зданій въ донаполеоновской Москвѣ было не болѣе четверти

общаго числа строеній. Улицы были неправильныя — то черезчур узкія, то не въ мѣру широкія, и было множество закоулковъ и тупиковъ. Между домами тянулись цѣлыя пустоши. Иногда цѣлыя улицы представляли собою безконечныя заборы и плетни, изрѣдка прерываемыя высокими воротами, подъ двускатной кровлей которыхъ видѣлись мѣдныя восьмиконечныя кресты. Москвичи того времени жили гораздо привольнѣе, чѣмъ теперь: дома богатыхъ людей представляли собою цѣлыя усадьбы. Они прятались въ кущахъ вѣковыхъ деревьевъ, на широкихъ дворахъ, и къ нимъ примыкали луга, пруды, огороды, плодовые сады. Нерѣдко въ такой „городской усадьбѣ“ былъ и свой ручей, доставлявшій чистую воду для питья. А къ этимъ богатымъ усадьбамъ тутъ же на улицѣ примыкали грязныя мѣщанскія лачуги, крытыя лубкомъ, тесомъ или попросту соломой. Убогій видъ захудалого деревенскаго жилья имѣли и дома иныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, стѣнявшихся въ средствахъ или же просто не желавшихъ тратить на „излишнюю роскошь“.

На улицахъ въ сырое время стояла невылазная грязь, не просыхавшая иной разъ даже и въ сухую погоду. То здѣсь, то тамъ встрѣчались громадныя лужи, въ которыхъ плескались домашнія птицы и свиньи. Славилась своей грязью Арбатская площадь, которая въ тѣ времена была почти непроходима отъ топей и болотъ, и гдѣ нерѣдко можно было видѣть, какъ бились лошади, вывозя изъ невылазной грязи тяжелую карету или колымагу. Большая часть улицъ была вымощена вмѣсто камня фашиникомъ или бревнами — и по этой первобытной мостовой разъѣзжали въ своихъ дорезахъ обыватели старой Москвы.

Уличное освѣщеніе тоже оставляло желать лучшаго. Первые уличные фонари были зажжены въ Москвѣ въ 1730 году, во время пребыванія въ первопрестольной столицѣ двора. Въ 1800 году фонарей во всей Москвѣ считалось только 6.559 штукъ. На большихъ улицахъ они ставились на 40 сажень одинъ отъ другого и скорѣе „распространяли темноту“, чѣмъ давали надлежащій свѣтъ.

Нѣсколько болѣе европейскій и близкій къ современному видъ имѣли центральныя части близъ Кремля. Здѣсь и мостовая была уже каменная (булыжная), и освѣщеніе было лучше, и чаще встрѣчались солидные каменные дома въ три этажа и болѣе, съ „львами на воротахъ“, съ колоннами и мезонинами. Сколько народа обитало въ каждомъ такомъ дворянскомъ домѣ: сколько дворни, учителей, учительницъ, экономокъ, лакеевъ, казачковъ и — даже и въ александровскія времена — шутовъ, шутихъ, араповъ!

Уличная жизнь въ старой Москвѣ была и шумна и пестра. На провинціала Москва того времени производила оглушающее впечатлѣніе звономъ своихъ „сорока сороковъ“, стукомъ экипажей по первобытной мостовой, крикомъ торговцевъ. Но едва ли не болѣе сильное впечатлѣніе она оставляла по себѣ своей яркостью и красочностью: тогда и костюмы и обстановка отличались свое-

образной пестротой, немного азіатскаго характера, и во многихъ случаяхъ большей пышностью, чѣмъ нынче. На улицахъ старой Москвы не рѣдко можно было встрѣтить вельможъ въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, въ пышныхъ бархатныхъ шубахъ, на которыхъ красовались ордена и звѣзды. Въ орденахъ тогда, по словамъ современниковъ, даже въ баню ходили... Каждый уличный выѣздъ состоятельнаго помѣщика отличался театральной пышностью и величавостью: богатые люди даже въ магазинъ за покупками ѣздили не иначе, какъ четверней или шестерней цугомъ, съ фореитерами, въ пышной каретѣ, съ разноцвѣтными и расшитыми по вѣсьмъ швамъ челядинцами. Пестро одѣвались и простые люди — даже крестьянскія бабы, продававшія на улицахъ масло и яйца, щеголяли высокими киками и сарафанами съ позументомъ... Это обиліе цвѣтныхъ тоновъ, позументовъ, серебра и золота было подстать и составляло своеобразную гармонию съ пестрыми куполами Василия Блаженнаго и узорчатой пестрядью фасадовъ и крышъ безчисленныхъ московскихъ часовенъ и башенъ.

На иностранцевъ и на русскихъ, побывавшихъ за границей, Москва производила впечатлѣніе странной смѣси европейскихъ картинъ и типовъ съ азіатскими. Извѣстный поэтъ Батюшковъ въ своемъ произведеніи „Прогулка по Москвѣ“ даетъ такую характеристику донаполеоновской Москвы: „Странное смѣшеніе древняго и новѣйшаго зодчества, нищеты и богатства, нравовъ европейскихъ съ нравами и обычаями восточными. Дивное, непостижимое сліяніе суетности, тщеславія и истинной славы и великолѣпія, невѣжества и пресвѣщенія, людскости (sic!) и варварства... Москва есть вѣвѣска или живая картина нашего отечества... Петръ Великій много сдѣлалъ и ничего не кончилъ...“

Въ этомъ же сочиненіи Батюшковъ рисуетъ своеобразныя картины, которыя можно было наблюдать въ тогдашней Москвѣ. Напримѣръ: „Вотъ большая карета, которую насилу тянетъ четверня. Въ ней чудотворный образъ, предъ нимъ монахъ съ большой свѣчой... Вотъ старинная Москва и остатокъ древняго обряда прародителей... Посторонись. Это ландо насъ задавить... Въ немъ сидятъ щеголь и красавица. Лошади, лакей, кучеръ — все въ послѣднемъ вкусѣ. Вотъ и новая Москва, новѣйшіе обычаи...“

А вотъ и еще картинный типъ, подмѣченный Батюшковымъ: „Посторонитесь, посторонитесь. Дайте дорогу кумѣ-болтунѣ — спорщицѣ, пожилой бригадиршѣ, жарко нарумяненной, набѣленной и закутанной въ черную мантилью... Посторонитесь вы, господа, и вы, молодыя дѣвушки. Она — вашъ Аргусъ неуспѣшный, ваша совѣть: все знаетъ, все замѣчаетъ и завтра же побѣдетъ рассказывать по монастырямъ...“ И много такихъ своеобразныхъ типовъ описываетъ Батюшковъ и замѣчаетъ: „Самый Лондонъ бѣднѣе Москвы по части нравственныхъ карикатуръ. Здѣсь всякій можетъ дурачиться, какъ хочетъ, жить и умереть чудачкомъ...“

(Окончаніе слѣдуетъ).

Бородинскія торжества.

(Съ 6 рис. на стр. 721 и 723).

Знаменательная годовщина Бородинскаго боя была торжественно отпразднована 25—26 августа въ Высочайшемъ присутствіи на тѣхъ поляхъ, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ произошло страшное и славное столкновеніе русскихъ съ Наполеономъ.

Бородинское поле преобразилось къ днямъ юбилея. Оно покрылось множествомъ новыхъ памятниковъ (около 40); были проложены новыя дороги по пути къ Бородинскому монастырю и къ центральному памятнику, и дороги эти украсились бѣлыми башенками съ флагами и гирляндами зелени на нихъ и триумфальной аркой съ надписями: „Ихъ дѣянія превыше силъ человѣческихъ“ и „Гласъ отечества пробудился въ душѣ народной“.

25 августа въ 11 часовъ дня на Бородинскую станцію желѣзной дороги прибыли Ихъ Величества и были встрѣчены высокопоставленными лицами, администраціей и депутатами отъ населенія и различныхъ учрежденій. Въ третьемъ часу дня послѣдовалъ Высочайшій выѣздъ въ Бородинскій монастырь, построенный, какъ извѣстно, вдовою убитаго въ Бородинскомъ бою генерала Тучкова на мѣстѣ гибели ея мужа. Ихъ Величества посѣтили Владимірскій соборъ и слушали молебствіе, при чемъ игуменья монастыря поднесла Ихъ Величествамъ, какъ память о посѣщеніи, пирамидку изъ непріятельскихъ пуль, найденныхъ въ обители и обдѣланныхъ въ золотую оправу. Вслѣдъ затѣмъ Ихъ Величества осматривали мѣсто, гдѣ, по преданію, былъ убитъ генералъ Тучковъ.

Изъ монастыря Ихъ Величества прослѣдовали на Бородинское поле, гдѣ были разставлены тремя громадными фасадами войска. Долгое время продолжался Высочайшій объѣздъ войскъ. Посѣтивъ находящійся на Бородинскомъ полѣ инвалидный домъ, Ихъ Величества милостиво бесѣдовали съ пятью ветеранами, свидѣтелями событій двѣнадцатаго года. Старики-ветераны, старшему изъ которыхъ, Антону Винтонюку, 128 лѣтъ, по повелѣнію Государя Императора сидѣли въ Высочайшемъ присутствіи, и только тотъ вставалъ, къ которому непосредственно обращался Государь.

Въ тотъ же день, часовъ около пяти вечера, на Бородинское поле прибылъ гравдіозный крестный ходъ изъ Смоленска съ чудотворной иконой Смоленской Божіей Матери, Одигитри, которая въ двѣнадцатомъ году, послѣ разгрома Смоленска французами, слѣдовала за русской арміей, и предъ ликомъ которой служились

молебны наканунѣ Бородинскаго боя. Ихъ Величества вышли навстрѣчу иконѣ и присутствовали на послѣдовавшей затѣмъ панихидѣ надъ братской могилой.

На другой день, 26 августа, состоялось главное юбилейное торжество на Бородинскомъ полѣ. Знаменательный день великой битвы былъ возвѣщенъ пятью пушечными выстрѣлами съ батареи, расположенной на холмѣ близъ монумента Бородинскаго сраженія. Торжество началось литургіей въ соборномъ храмѣ Спасо-Бородинскаго монастыря въ Высочайшемъ присутствіи. По окончаніи литургіи изъ монастыря къ памятнику Бородинской битвы вышелъ крестный ходъ, съ которымъ слѣдовали Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, Августѣйшее Семейство и Великіе Князья. Когда Ихъ Величества съ Ихъ Высочествами заняли на холмѣ у памятника мѣсто, было совершено у иконы Смоленской Божіей Матери благодарственное молебствіе по поводу избавленія отъ нашествія двадцати языкъ. Послѣ многолѣтня Ихъ Величествамъ и Царствующему Дому протодьяконъ возгласилъ вѣчную память Императору Александру I и всѣмъ лавшимъ въ Отечественную войну вождямъ и воинамъ. Наступилъ кульминаціонный моментъ юбилейнаго торжества. Грянулъ салютъ изъ восьми орудій, съ церковью разлился колокольный звонъ. Это была торжественная минута, исполненная рѣдкаго величія и красоты.

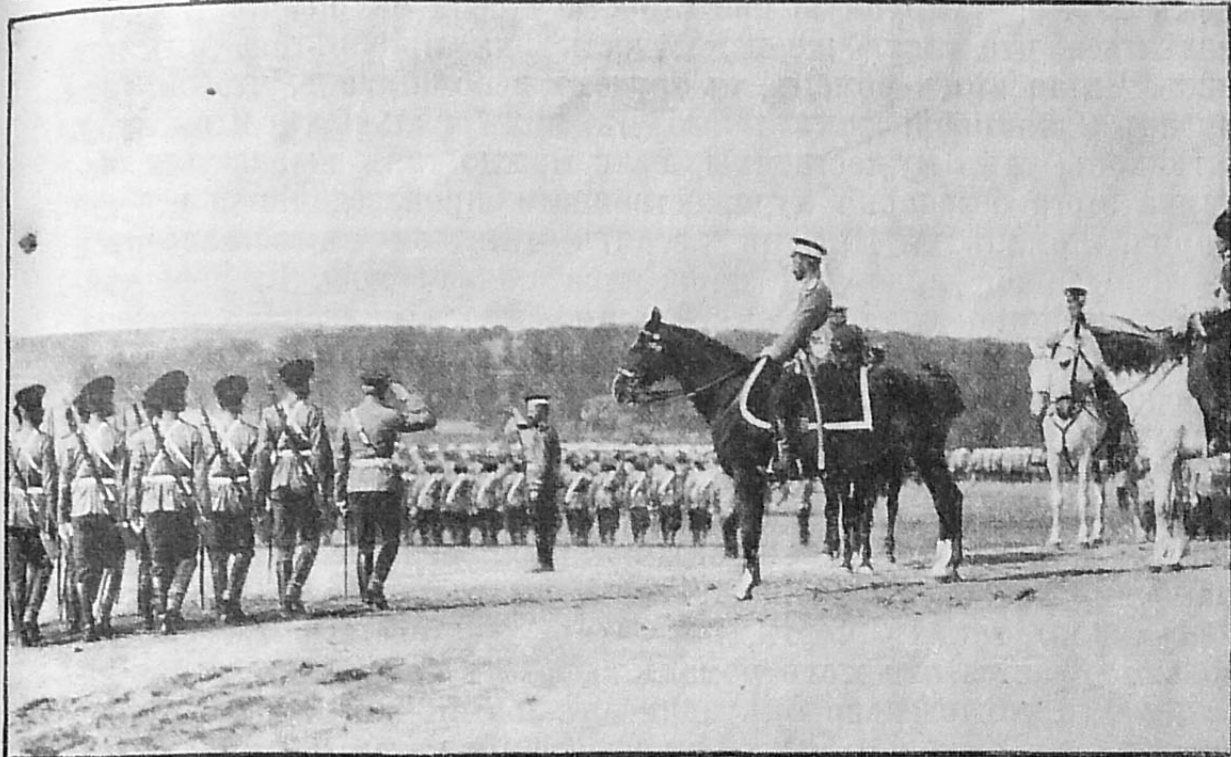
По окончаніи богослуженія Ихъ Величества вошли въ ограду Бородинскаго памятника и милостиво бесѣдовали здѣсь съ ветеранами-современниками двѣнадцатаго года. Затѣмъ, въ Высочайшемъ присутствіи, въ торжественной обстановкѣ, была возложена юбилейная медаль на находящуюся здѣсь могилу Багратиона. Начался Высочайшій объѣздъ войскъ и парадъ. Во время парада былъ прочитанъ всѣмъ собраннымъ на Бородинскомъ полѣ войскамъ Высочайшій приказъ арміи и флоту:

„Сто лѣтъ назадъ Россійское воинство, вѣлѣніемъ Верховнаго Вождя своего, блаженной памяти Императора Александра Благословеннаго, призвано было къ великому и почетному долгу отстаивать грудью своею достоинство великой Россіи, неприкосновенность Отчествa, честь и славу, дотолѣ непрестанно сопровождавшія сухопутную армію и флотъ.“

Съ глубокою вѣрою во всемогущество Божіе, въ полномъ еди-

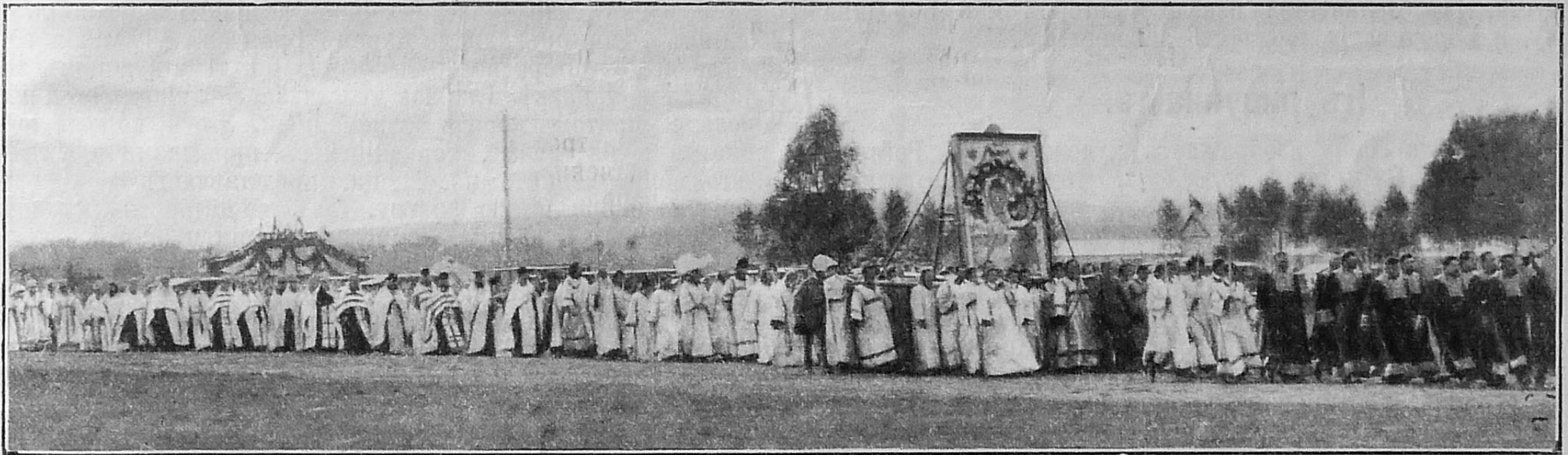
Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ въ коляскѣ à la Daumont на Бородинскомъ полѣ.

Смотръ войскъ на Бородинскомъ полѣ въ Высочайшемъ присутствіи.

Французская депутація, прибывшая изъ Парижа для возложенія вѣнка на памятникъ Бородинскаго боя.

Крестный ходъ съ чудотворной иконой Смоленской Божіей Матери, Одигитрии, по Бородинскому полю.

Ветераны 1812 года, свидѣтели нашествія французовъ.

1812

1912

Бородинскія торжества.

неніи со своимъ Государемъ и съ покорностью предъ предстоявшими неисчислимыми и тяжелыми испытаніями, преданные своему долгу армія и флотъ приступили къ совершенію великаго дѣла, и проявленные ими беззавѣтные подвиги мужества и храбрости спасли Отечество, заслужили благодарную память и вѣчное уваженіе потомства и удивленіе дотолю непобѣдимаго врага и всѣхъ народовъ Европы.

„Въ сегодняшній торжественный день поминанія столѣтней годовщины знаменательнаго сраженія на поляхъ бородинскихъ, воздаваемая вмѣстѣ со Мною всею Россіею дань уваженія и признательности къ подвигамъ вашихъ предковъ да укрѣпитъ въ сердцахъ вашихъ сознаніе долга и да послужитъ источникомъ къ проявленію вами той же беззавѣтной преданности и мужества, когда Промыслу Божьему угодно будетъ призвать Отечество къ новому испытанію. Сердца ваши да пребываютъ въ увѣренности, что потомки съ уваженіемъ произнесутъ имена ваши, и содѣянные вами подвиги неизгладимо будутъ жить въ памяти благодарнаго Отечества“.

По окончаніи этого блестящаго парада Государь Императоръ прослѣдовалъ въ Бородинскій дворецъ среди толпы народа, провожаемый несмолкаемыми криками „ура“.

Въ этотъ день, т.-е. 26 августа, Государь Императоръ изволилъ посѣтить лагерь прибывшихъ на торжества волостныхъ старшинъ и представителей крестьянства и изволилъ имъ сказать слѣдующее:

„Я счастливъ, что вмѣстѣ съ вами провожу этотъ день знаменательной годовщины Бородинскаго боя, гдѣ ваши дѣды и прадеды бились со славнымъ врагомъ и отстояли Родину, чему помогла вѣра въ Бога, преданность Царю и любовь къ Родинѣ. Надѣюсь, что вы воспитаете и вашихъ дѣтей въ тѣхъ же завѣтахъ преданности и любви къ нашей матушкѣ-Россіи“.

Вечеромъ 26 августа состоялось въ Высочайшемъ присутствіи освященіе памятника, воздвигнутаго французами по національной подпискѣ на полѣ предъ Шевардинскимъ редутомъ. Памятникъ этотъ представляетъ собою обелискъ, увѣнчанный орломъ. Къ подножію памятника было возложено множество вѣнковъ отъ различныхъ лицъ и учреждений изъ Франціи и отъ русской арміи и города Москвы. Государь Императоръ и Великіе Князья скрѣпили подписями актъ открытія памятника. На торжество прибыли депутаціи изъ Франціи, и представители этихъ депутацій возложили также вѣнки и на русскій памятникъ Бородинской битвы...

27 августа Ихъ Величества изволили отбыть изъ Бородина въ Москву, и Бородинскія торжества закончились.

Къ рисункамъ.

Живую жанровую сцену изображаетъ художникъ Г. Рейтеръ въ своей картинѣ „Сжиганіе водорослей“. Чѣмъ-то фантастическимъ, какой-то демонической кухней вѣетъ отъ этой мирной операціи, имѣющей своимъ назначеніемъ уничтожить гніющія массы морской травы, принесенной бурей... Молодые женщины ловко справляются съ этимъ дѣломъ, какъ бы колдуя надъ облаками дыма и надъ языками краснаго, бѣлаго пламени.

Тяжелое впечатлѣніе производитъ картина Р. Когга „Отъездъ осужденныхъ“. Предъ нами послѣдній актъ какой-то судебной трагедіи, закончившейся обвиненіемъ и приговоромъ. Судъ покаралъ этихъ людей и послалъ ихъ въ ссылку, лишивъ ихъ и прежнихъ правъ и прежняго званія... Но одного онъ не могъ лишить ихъ— права любви и страданія. И вотъ пришли провожать ихъ и въ послѣдній разъ взглянуть на нихъ близкіе и родные имъ люди. И льются слезы, которымъ нѣтъ мѣры и числа. Слезы, которыя могутъ осушить только время да могила...

Грустнымъ настроеніемъ исполнена и картина знаменитаго художника Милле „Вѣтрено“. Надвигается осень, и, какъ ея авангардъ, стремится на оскудѣвшую природу холодный вѣтеръ. Онъ несетъ съ собой низкія и темныя тучи и срываетъ послѣднія

листья съ придорожныхъ деревьевъ. Горе безпріютнымъ, у кого нѣтъ пристанища ни въ жилищахъ ни въ сердцахъ...

Рядъ картинъ Г. Г. Шмидта „Изъ Русской старины“, (20-я выставка С.-Петербургскаго общества художниковъ) воспроизводитъ интересные архитектурные мотивы, сохранившіеся съ давнихъ временъ въ городахъ нашего средняго Поволжья и въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Эти памятники далекой старины носятъ на себѣ печать строгой и гармонической красоты и будятъ воспоминанія о великокняжеской и царской Руси, когда еще только собиралось и начинало свой ростъ наше государство...

„Фіорды“.

(Сборникъ XI).

Въ только-что вышедшемъ XI-мъ сборникѣ „Фіордовъ“ помѣщены произведенія двухъ еще неизвѣстныхъ у насъ скандинавскихъ писательницъ—Альвильды Прюдцъ и Каренъ Брамсонъ. Первой изъ нихъ принадлежитъ романъ „У моря“, второй—драма „Трагедія власти“.

Норвежская романистка Альвильда Прюдцъ завоевала романомъ „У моря“ крупную извѣстность у себя на родинѣ, и можно надѣяться, что такую же извѣстность она пріобрѣтетъ и у насъ. Читая этотъ романъ, съ трудомъ вспоминаешь, что онъ написанъ женщиной: такъ много въ немъ сильныхъ и смѣлыхъ штриховъ, такъ мужественны, если можно такъ выразиться, чеканка этого безспорно художественнаго произведенія и вся его форма. Романъ А. Прюдцъ вводитъ читателя въ обстановку и бытъ рыбаковъ сѣвернаго норвежскаго побережья. Главное дѣйствующее лицо здѣсь, пожалуй, само море, описанное чрезвычайно сильно и поэтично, съ глубокимъ проникновеніемъ въ его своеобразную жизнь. Не менѣе сильно и правдиво схвачены и типы моряковъ и иныхъ людей, фигурирующихъ въ романѣ. И какіе все это сильные типы, не знающіе копромиссовъ, не понимающіе никакой двойственности. Это—настоящіе титаны, высеченные изъ камня, но согрѣтые теплой человѣческой кровью. Наиболѣе интересны женскіе типы, выведенные А. Прюдцъ: въ нихъ много такихъ чертъ, которымъ хочется подражать, и невольно думается, что этотъ романъ вызоветъ подражаніе въ жизни. Слишкомъ убѣдительно онъ написанъ и слишкомъ много въ немъ энергіи. Это одно изъ тѣхъ произведеній, которыя, какъ рѣка, текутъ и захватываютъ въ своемъ теченіи, тогда какъ большинство другихъ художественныхъ произведеній только отражаетъ жизнь, какъ стоячая вода спокойнаго озера.

Второе изъ скандинавскихъ произведеній, вошедшихъ въ XI сборникъ „Фіордовъ“, драма Каренъ Брамсонъ „Трагедія власти“ прежде всего интересна и необычна по дѣйствующимъ лицамъ и по всей обстановкѣ. Главное дѣйствующее лицо въ этой пьесѣ—король, и притомъ король современный. Этотъ король Юганъ „романтикъ на тронѣ“, борющійся съ призывами чувства ради своего общественнаго положенія, представляетъ собою смѣло и интересно набросанную фигуру. Такъ же интересны и живы фигуры принцессы Ирены, герцогини Маріи и окружающихъ короля придворныхъ и общественныхъ дѣятелей.

И здѣсь, какъ и въ романѣ А. Прюдцъ, чувствуются сильная, почти мужская рука и почти мужское письмо. Въ пьесѣ К. Брамсонъ нѣтъ длиннотъ, каждое слово бьетъ въ цѣль. Она похожа на памфлетъ, и отъ окончательнаго сходства съ памфлетомъ ее застраховываетъ только ея безусловная художественность. „Трагедія власти“ имѣла у себя на родинѣ (въ Даніи) колоссальный успѣхъ. Самъ недавно скончавшійся король датскій Фредерикъ VIII горячо аплодировалъ ей въ копенгагенскомъ Королевскомъ театрѣ. Неменьшій успѣхъ встрѣтилъ пьесу К. Брамсонъ и въ Парижѣ, въ одномъ изъ частныхъ парижскихъ театровъ, несмотря на предубѣжденіе французовъ къ иностранному творчеству.

Интересная по сюжету и по типамъ, исполненная живыхъ діалоговъ и сценъ, пьеса эта несомнѣнно возбудитъ вниманіе и у русскаго читателя.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разрочки, подписная плата за „Ниву“ 1912 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года**. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленною присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ № 36-го** (отъ 8 сентября). При высылкѣ денегъ гг. иногородніе подписчики благоволятъ обозначать **на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли** или прилагать самый адресъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Тайна. Разсказъ Н. Олигера. (Продолженіе).—Аполлонъ Бельведерскій. Повѣсть минувшихъ лѣтъ. Н. Н. Брешко-Брешковскаго. (Продолженіе).—Юбилей страданія и славы. Очеркъ. (Окончаніе).—Въ старой Москвѣ.—Бородинскія торжества.—Къ рисункамъ.—Фіорды.—Заявленіе.—Объявленіе.

РИСУНКИ: Сжиганіе водорослей.—Отъездъ осужденныхъ.—Вѣтрено.—20 Выставка С.-Петербургскаго Общества Художниковъ (6 рис.)—Старая Москва до 1812 г. по акварелямъ художника Алексѣева, современника Отечественной войны (10 рисунок).—Бородинскія торжества въ Петербургѣ. Панихида у дома кн. Кутузова на Французской набережной 26 августа с. г.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій“ А. А. Фета кн. 5.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

ЛАМПА „ОСРАМЪ“

Наилучшія, наипрочнѣйшія электрическія экономическія (съ тянутой проволоночной нитью) лампочки отъ 10 до 1000 свѣчей. Дѣйствительная (не теоретическая) экономія энергіи—75%.

Акционерное Общество „АУЭРЪ“ въ Берлинѣ.

37176 8-2

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

А. И. Фингертъ и К^о,
С.-Петербургъ, Невскій пр., 94.

И. Заблудовскій,
Москва, Кузнецкій мостъ, 15.

„GILLETTE“

(ЖИЛЛЕТЪ)

38951 26-12

БРИТВЕННЫЙ АППАРАТЪ

съ СОГНУТЫМЪ лезвиемъ

НЕ НАДО ПРАВИТЬ И ТОЧИТЬ!

ОТЛУЧЕНИЕ ОТЪ ГРУДИ

38444 5-4

является самымъ важнымъ моментомъ въ жизни младенца. Врачи утверждаютъ, что

МОЛОЧНАЯ МУКА НЕСТЛЕ

даетъ возможность отлучать отъ груди во всякое время года и способствуетъ быстрому и легкому прорѣзыванію зубовъ.

Остерегайтесь поддѣлокъ. Настоящая только въ русской упаковкѣ.

СЕРЬЕЗНОЕ ДОБРОСОВѢСТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ!

ЕСЛИ ВАШЪ

37140 6 2

ЖЕЛУДОК

плохо варить, если Вы страдаете катарромъ, ЗАПОРАМИ, геморроемъ, вздутиемъ живота, тошнотой, изжогой, ГОЛОВН. БОЛЯМИ, если Вашъ организмъ истощенъ, ослабленъ, и Вы вслѣдствіе этого удручены, подавлены, я предлагаю Вамъ испытать

за мой счетъ

пакетъ драгоценнаго средства, которое быстро избавитъ Васъ отъ страданій. Я долго работалъ надъ этими вопросами и предлагаю свой трудъ страдающимъ. Сообщите мнѣ открыткой Вашъ адресъ и я немедленно вышлю Вамъ свое средство для испытанія бесплатно.

Д-ръ мед. Антонъ Мейеръ, химич. лаб., С.-Петерб., Екатерин. кан., 79/17.

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылаются бесплатно проспекты, указывающіе путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Бутырки, Сергіевскій пер., домъ № 9, кв. 4
П. КОМИСАРЕНКО.

НОВАЯ АРИМЕТИКА

для гимн. и самообр. 4 изд. 70 к., нал. пл. 95 к. Легко, полно, точно изложена. Масса повостей: 20 метод. рѣш. зад. и проч. Краткая ар-ка для школъ и самообр. 30 к., нал. пл. 50 к. Обѣ нал. пл. 1 р. 30 к. Особо полезны неуспѣшн. и учит. Отзывы и списки 60 матем. пособій при книгахъ. Требов. у Сытина, Думнова, вездѣ и у автора: г. г. Владиміръ, Студеная, А. П. Виноградову.

Спасайтесь отъ ГРЫЖИ

Бросьте негодные и калѣчащія васъ бандажи стар. сист. Примѣните усовер. анатомическо-пневматическій бандажъ безъ пружинокъ констр. д-ра МАРКОНИ и вы избавитесь отъ мучит. страданій. Выс. нал. пл. 5 р., двухст. 9 р. 50 к. Высш. кач. 7 р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ большого паха до этого мѣста вкруг: для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон. С.-Петербургъ, Пушкинская, № 11, кв. 8, отд. 20. ЗЕМСКЕРУ. 38998 (6)

ФИРМА:
ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ
А. Н. НАСОНОВА
въ Екатеринбургѣ.
Прейсъ-курантъ выс. бесплатно. 37208

Можно получить повсюду

Sarga

KALODONT

КАЛОДОНТЪ
НЕОБХОДИМЫЙ

Зубной Кремъ и Эликсиръ

Сохраняетъ зубы чистыми, бѣлыми и здоровыми.

Достаточно только 1 часъ писать на известной пишущей машинѣ:

„Гладстонъ“

последней модели 1911 года, чтобы каждый самъ призналъ ея неоспорим. преимущ. передъ всѣми ей подобными. Ея главныя достоинства—это:

УДОБСТВА И КАЧЕСТВА ДОРОГИХЪ МАШИНЪ
простота конструкции и видимый шрифтъ.
Цѣна 45 руб. съ пересылкой.

Не смѣшивать съ машинками съ каучуковыми алфавитами, не дающими копій. Множество благодарственныхъ отзывовъ. Каталогъ и образецъ шрифта, при ссылкѣ на эту газету высылаются бесплатно. Един. представ. для всей Россіи:

Т-во ЛЕОНЪ ЛЕВЪ и К^о, Спб. Невскій, 51-30
фирма существуетъ съ 1893 года.

ФИРМА ВЫСШИХЪ УДОСТОЕНА НАГРАДЪ.

по 4 р. 1р 50к. 2р.50к. 9 р. по 85 к. 2р.50к. по 60 к. по 5 р. 50к.

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО ОПТОВЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
съ иллюстраціями всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ

ТОРГОВО-ФАБРИЧ. И. ВИНОКУРОВЪ и Н. СИНЦКІЙ Невскій пр., 57.
Т-во СПбургъ. Садовая, 29 и 35.

ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМ

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

„НАРЗАНЪ“

СТОЛОВЫЯ:

„ЭССЕНТУКИ № 20“

Эссентукскія (соляно-щелочн.) №№ 4, 4 новый, 6, 17, 18, 18 бюв. 2, 19 Баталинская (незамѣнимая слабительн.). Смирновская - желѣзистая (имѣетъ мышьякъ). Эссентукскія лепешки (уничтож. изжогу). Эссентукская соль (замѣняетъ воду № 17).

За водами и продуктами обращаться въ казенный складъ: Невскій, 55, телеф. 32-75.
Главный складъ при Управленіи водъ въ Пятигорскѣ. Прейсъ-куранты бесплатно. Обращаться: Пятигорскъ — Управление водъ. 38668 35-22

Требуйте вездѣ! Лѣчебныя.

УЧЕБНИКЪ ДВОИНОЙ БУХГАЛТЕРИИ

(ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ) Составл. **О.И. Волькенштейнъ** Преподават. бухгалтеріи и коммерческ. корресп.

Ясное и простое изложение учебника даетъ возможность всякому быстро и безъ особыхъ усилій изучить бухгалтерію и вести самостоятельно счетоводство. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. пал. плат. 1 р. 35 к.

Складъ изданія Курсы Бухгалт. Янсона Спб. Невскій, 1-А.

Зимнія Брюки Диагоналевья

за 1 руб. 70 коп.

Высылаемъ почтой налож. плат. цѣлый отръзъ высшаго сорта зимн. диагонали въ 1 арш. 10 верш. дл. цѣл. брюкъ. Цѣта: черн., т.-син. и зелен. всего за 1 р. 70 к. Диагональ отличается прочн. и практич. въ носѣ; по желанію высылаются готовые брюки за 2 р. 25 к. При заказѣ брюкъ указать мѣрку. За пересылку прич. 55 к., въ Сибирь 95 к. При выпискѣ 3-хъ отръз. или 3-хъ брюкъ перес. за нашъ счетъ. Не понрав. примемъ обратно. Адресов.: Суконно-Шерстяная Мануфактура Лодзь № 30-А.

920 ФОТО

графическ. снимк. французск. красав. въ роскошн. альбомѣ загранич. работы высш. въ секр. послыжъ съ наложен. плат. за 2 р. 50 к. съ перес. Адрес.: г. Лодзь, Главн. почт. ком. ящ. 571 А.

1x350=10000.

Да это факт, ибо за 3 р. 50 к. получите с отпр. резинов. тушев. штемпель величин. 28 миллиметр. и никкелір. коробѣ, дающій с Ваш. фотогр. до 10000 художеств. оттисков на письмах, почт. картах, легитимациах, книгах, приглашеніях, поздравленіях, приисканіи мѣста, виз. карточках. Велич. 35 милл. 4 р. 50 к. Пришл. свою фотогр. и задат. 1 р. Бильярдн. игрок с рулеткой. Автоматич. аппарат. Может сразу даже 6 лиц играть. 4 загр. и 1 русск. патент. С отпр. 2 р. 50 к. Зад. 1 р. Ю. В. Кроненбергъ, Варшава, Пенкная, 20. 37228

ФОТО

графич. снимки французскихъ красавицъ. Интересн. каталоги высыл. въ закрыт. пакетѣ по получ. 5-ти 7-милов. марокъ. Коллекціи въ 5 р., 10 р. и 15 р. выс. по пол. стонности. Адрес.: М. ЛИПМАНОВИЧЪ, г. Лодзь, почт. ящ. 526.

Ни хищеній! Ни утечки! Ни ремонта!

БОЧКИ

жельзныя, оцинкованныя, луженыя, для перевозки и хранения спирта, беросина, масла, слотъ и пр., изготовляетъ заводъ **Г. РЮЛИНГЪ** Москва, Мясницкая, д. Вятскаго подворья Прейсъ-курantzъ бесплатно. 3715

Сенсаціон. новость XX вѣка! Часы „Радіум“

показываютъ время не только днем, но и в темнотѣ и ночью, ибо освѣщаются изумительно красив. лученоспущаіемъ ново-изобрѣтен. вещества радія, какимъ снабжены цеферблат и стрѣлки часовъ „Радіум“, производяціе небывал. эффект. Кромѣ того служатъ как: карман. часы, кабинетные, будильник (звонитъ внутри корпуса), напоминаютъ о разн. частн. и служебн. порученіях и отличаются вѣрным, точным ходом, а потому необходимы каждому. Цѣна № 1 хор. сорта 11 р. 75 к., № 2 высш. качест. 15 р. 50 к. Такіе же часы „Радіум“ без будильника № 3 хор. сор. 6 р. 50 к. и № 4 выс. кач. 8 р. 75 к. Высыл. налож. плат. Пересылка 55 к. Адрес: Радіомастерская А. М. Бахнеръ, Варшава, Электроральная, № 1. Примѣч.: Просимъ не смѣшивать наш. вѣчноосвѣтящихся час. „Радіумъ“ с слабыми фосфорными самосвѣтами. 37153 2-2

КАКЪ ВЫЛѢЧИТЬ РЕВМАТИЗМЪ?

Книга, высылаемая бесплатно, скажетъ Вамъ это.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я страшно страдалъ ревматизмомъ почти во всѣхъ членахъ моего тѣла. Врачи и спеціалисты по этой болѣзни мнѣ не помогли и многи изъ нихъ даже считали мою болѣзнь неизлѣчимой. Тогда я началъ пользоваться различными средствами, предлагаемыми газетными объявленіями, но и отъ нихъ не получилъ никакой пользы, и я уже было-потерялъ всякую надежду когда-нибудь избавиться отъ страданій. Но прежде чѣмъ окончательно предаться отчаянію, я рѣшилъ изучить основательно эту болѣзнь и ея причины и тогда, быть-можетъ, найти и средство для лѣченія. Послѣ многолѣтнихъ упорныхъ трудовъ и изслѣдованій мнѣ наконецъ удалось открыть средство, которое превзошло все мои ожиданія. То, что врачи не могли найти для меня, я нашелъ самъ, и теперь я совершенно здоровъ. Впослѣдствіи я сообщилъ о своемъ открытіи тысячамъ страдавшимъ этой болѣзью и они также теперь излѣчены.

Для того, чтобы всѣ страдающіе ревматизмомъ или подагрой знали, какъ имъ можно вылѣчиться отъ этой болѣзни, я написалъ книгу, въ которой наиболее подробно описалъ, какъ можно навсегда выгнать этотъ недугъ изъ организма. Я съ удовольствіемъ готовъ выслать совершенно бесплатно одинъ экземпляръ моей иллюстрированной брошюры каждому страдающему ревматизмомъ и подагрой. Въ этой книгѣ указано, какъ легко и скоро можно у себя дома вылѣчить эту болѣзнь. Не откладывайте, а напишите сейчасъ же, чтобы Вамъ выслали эту бесплатную книгу. Напишите свое имя, фамилію и полный адресъ на 4-хъ копеечной открыткѣ и отправьте по слѣдующему адресу: **М. Е. Трейзеръ, № 37, Бангоръ Гаузы, Шу-Лейнъ, Лондонъ, Англія.**

ЗДОРОВОЕ ДИТЯ-СЧАСТЬЕ МАТЕРИ

ПИЩА „АЛЕНЪЗРИСЪ“

Лабораторіи Allen & Hanburys, Ltd., London.

При искусственномъ вскармливаніи грудныхъ дѣтей **ЕДИНСТВЕННАЯ**, вполне замѣняющая материнское молоко **СЪ ПЕРВАГО ДНЯ РОЖДЕНІЯ РЕБЕНКА.**

Брошюры высылаются бесплатно главн. представителемъ для Россіи **М. М. Селитреннымъ**, Москва, поч. ящ. 399. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Д-ра ШИНДЛЕРЪ-БАРНАЙ „Маріенбадскія Редукціонныя Шиллюлі“ противъ

ОЖИРѢНІЯ

и стлчичное слабительное средство.

Настоящая упаковка въ коробкахъ краснаго цвѣта съ описаніемъ способа употребленія. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Граммофоны ВАТТ

рекомендуются всѣмъ любителямъ хорошей и чистой музыки. Наши граммофоны, несмотря на безукоризненную отдѣлку, прочный и неизнашивающійся механизмъ, въ ТРИ раза дешевле лавочныхъ цѣнъ, такъ какъ высылаемъ ихъ прямо изъ Берлина. Пок. просимъ не покупать нигдѣ, не истребовавъ раньше на его каталога № 25, который высылается всѣмъ бесплатно и въ которомъ цѣны обозначены съ уплаченной пошлиной и пересылкой. Подайте сегодня же Вашъ адресъ на открыткѣ за 4 коп. и немедленно вышлемъ Вамъ нашъ каталогъ. Адресуйте:

Обществу Германскій Экспортъ и Импортъ Берлинъ 68, Риттерштр. 50, с. д. Deutscher Export und Import, G. m. b. H., Berlin SW. 68, Ritterstrasse 50.

ВЫ НЕСОМНѢННО ПРЕДОХРАНИТЕ СЕБЯ, ВЫ ИЗЛЕЧИТЕСЬ

отъ болѣзней горла, охриплости, насморка, гриппа, инфлуенцы, простуды, катарровъ, бронхитовъ, астмы, эмфиземы и т. п. если будете употреблять **АНТИСЕПТИЧЕСКІЯ PASTILLES VALDA (Лепешки Вальда)**

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ТРЕБУЙТЕ, ПРОСИТЕ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ **НАСТОЯЩІЯ PASTILLES VALDA (Лепешки Вальда)** въ коробкахъ съ красной бандеролью, снабженныхъ именемъ **VALDA** Цѣна **1 рубль.**

Thüringisches
Technikum Ilmenau
Машиностроение и электротехника.
Отделение для инженеров, техников
и мастеров. 10-9
Дир. проф. Шмидт.

АТТЕСТАТЪ Университета, золот. медали за почерки учеников. Въ 15 уроковъ научаю заочно красиво и скоро писать. За 5 семик. марокъ высылаю образцы шрифтовъ, почерки учениковъ и условия. Одесса, Професс. Каллиграфин Адольфъ КОССОДО, Дерibasовская, д. № 19.

КАКОЙ ЧУДЕСНОЙ СИЛОЙ ОБЛАДАЕТЪ ЭТОТЪ ЧЕЛОВѢКЪ?

Позвольте ему предсказать Ваше будущее!

Онъ предлагаетъ каждому читателю этой газеты пробное определение характера, въ которомъ будутъ указанія на его прошлое, настоящее и будущее **Совершенно бесплатно!**

Онъ укажетъ на такія возможности, о которыхъ никто не мечталъ! Тысячи людей восторгаются его работой!

ИЗУМИТЕЛЬНЫЯ ПРЕДСКАЗАНІЯ ДЛЯ ВАСЬ!

Знаменитый определитель характера сообщаетъ

Причина моего позднаго отвѣта, — сильный ушибъ правой руки, которой и въ настоящее время еще плохо владѣю: какъ предсказали такъ и случилось.

Симъ извѣщаю, что согласно Вашему определению за первые три мѣсяца, все въ точности сбылось, я просто поражаюсь Вашимъ откровениямъ.

Примите мою сердечную благодаренію за дружеское предостереженіе, которому буду слѣдовать въ точности.

Прилагая при семъ мою фотографію, прошу быть увѣреннымъ въ моемъ къ Вамъ, Милостивый Государь, совершенномъ почтеніи.
К. Ю. Фивегъ,
Таганрогъ,
Б. Петровская, 4,
Кульпиной.

прошедшее и будущее съ поразительной точностью всѣмъ, кто обратится къ нему, совершенно бесплатно.

Хотѣли бы Вы знать, что предстоитъ Вамъ въ будущемъ: какъ пойдутъ Ваши дѣла: будете ли счастливы или нѣтъ; славы и сильныя стороны Вашего характера, какъ улучшить Ваше положеніе въ жизни; что случится съ Вашимъ здоровьемъ?

Получилъ отъ Васъ „опредѣленіе моего характера“. Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ сообщить Вамъ, что все, написанное Вами, дѣйствительная истина и сердечно сожалею, почему я раньше не имѣлъ этого счастья обратиться къ Вамъ. День 26 янв. 1912 г. я считаю для себя лучшимъ днемъ. Вы истинный наставникъ и доброжелатель. Помогай Вамъ Богъ въ Вашихъ трудахъ на пользу другихъ людей. Сердечно жму Вашу руку, преданный Вамъ

М. М. Рашевскій,
г. Новочеркасскъ.

Завтра пойду къ моимъ знакомымъ рекомендовать Вашу работу, авось, доброе дѣло сдѣлаю. Прощайте и запомнилъ хорошо.

Вамъ представляется случай узнать обо всемъ этомъ подробно. Вамъ ничего не будетъ стоить Ваша проба.

Д-ръ Дж. Ал. Клевеландъ, пользуясь своими знаниями и своей чудесной системой Астрографологін, можетъ каждому помочь въ его сомнѣніяхъ. Онъ установилъ свой методъ въ строго научныя рамки и съ готовностью желаетъ служить своими познаниями всѣмъ, кто къ нему обратится за помощью. Его предсказанія и опредѣленія характера настолько разумны, что лица, пользовавшіяся его совѣтами, невольно вспоминаютъ прошедшіе дни, когда великія чудеса совершались на землѣ и думаютъ, что Д-ръ Дж. Ал. Клевеландъ обладаетъ чудесной и необъяснимой силой. Но онъ отрицаетъ существованіе какихъ бы то ни было невѣдомыхъ силъ и говорить, что его работа основана исключительно на научныхъ принципахъ.

Если Вы желаете получить бесплатно пробное опредѣленіе Вашего характера и узнать, что предстоитъ Вамъ въ будущемъ—обратитесь немедленно къ Д-ру Дж. Ал. Клевеланду. Не забудьте указать число, мѣсяць и годъ Вашего рожденія, Ваше семейное положеніе и напишите какъ можно яснѣе Ваше имя, отчество, фамилію и точный адресъ. Будьте добры, приложите 2 семикоп. марки на покрытие почтовыхъ расходовъ. Д-ръ Клевеландъ пришлетъ Вамъ, кромѣ пробнаго опредѣленія Вашего характера, очень интересную книгу, озаглавленную „Путь къ успѣху и счастью“ совершенно бесплатно. Пишите ему немедленно и Вы не будете раскаиваться въ этомъ. Адресуйте Ваши письма:

Д-ру Джону Аллену Клевеланду.—С.-Петербургъ, Невскій пр., 40. Отд. 8. А. Е.

ЖЕНСТВЕННОСТЬ И КРАСОТА.

Вы можете развить, увеличить и укрѣпить Вашу бюстъ.

Можно ли женщину или ба-рышню назвать дѣйствительно красивой,

если ея бюстъ слишкомъ малъ, худъ или опущенъ? Всякій скажетъ: какъ жаль, такое хорошенькое, симпатичное личико, между тѣмъ никакой фигуры! Дама съ менѣе красивыми чертами лица, но съ роскошно-развитыми формами, всегда будетъ имѣть въ глазахъ поклонниковъ преимуще-ство передъ своей привлекательной,

но сублильной соперницей и это понятно, ибо красивый бюстъ—главная прерогатива женственности, залогъ успѣха и счастья въ жизни. Хорошій корсетъ, хотя и можетъ скрыть отчасти плоскія, исхудалыя формы, но эта искусственная маскировка никогда не удовлетворитъ самолюбія уважающей себя женщины, никогда не замѣнитъ ей природнаго дара — бюлоснѣжнаго, гармонически-развитаго бюста. Тысячи дамъ и дѣвицъ, скудно надѣленныхъ природою, переживаютъ жестокія нравственные страданія, не рѣшаясь къ кому-либо обратиться за помощью и не зная, что этотъ физическій недостатокъ вполне устранимъ благодаря стирію способу естественнаго развитія, увеличенія и укрѣпленія бюста по методу Гренье. Я сама принадлежала къ числу женщинъ, обдѣленныхъ природою, пережила черезъ это не мало горя и чувствовала себя глубоко несчастной. Но, благодаря энергіи и настойчивости, я нашла, наконецъ, способъ для улучшенія, укрѣпленія и увеличенія бюста безъ помощи какихъ-либо запрещенныхъ внутреннихъ средствъ, способъ совершенно безвредный и поразительно быстро и надежно ведущій къ цѣли. Искренне сочувствую своимъ сестрамъ по несчастью, я рѣшила своимъ открытіемъ подѣлиться также и съ русскими дамами, чтобы дать имъ возможность въ короткій срокъ преобразовать свои неразвитыя, плоскія, опущенныя или вялыя формы въ роскошный, гармонически-развитый и упругій бюстъ, который является лучшимъ украшеніемъ женщины и создаетъ ей счастье и успѣхъ въ жизни вѣрнѣе, чѣмъ роскошныя туалеты, золото и брилліанты, но намъ, женщинамъ, не слѣдуетъ забывать, что не ювелирныя украшенія, а лишь наши природныя качества, наша красота—могутъ покорить сердце любимаго человѣка.

Чтобы дать Вамъ представленіе о томъ, какой восторгъ пробуждаетъ въ сердцѣ женщины успѣшное примѣненіе моего привилегированнаго метода, привожу здѣсь нѣсколько писемъ моихъ клиентокъ.

Г-жа С., Тифлисъ, 23, X, пишетъ: „Спѣшу сообщить Вамъ, что Вашъ методъ дѣйствительно достигаетъ своей цѣли; я Вамъ безъ конца признательна. Несмотря на то, что я примѣняла его по болѣзни послѣднее время неаккуратно, я вполне довольноя результатомъ; грудь моя совершенно преобразовалась. Ничего не имѣю противъ напечатанія моего отзыва съ сокращенной фамиліей, только, конечно, безъ указанія улицы и номера квартиры.“

Г-жа Н., Москва, 1, XI. „Какъ я рада, что не послушалась своихъ подругъ и обратилась къ Вамъ за помощью. Мой

крохотный, какъ у дѣвочки, бюстъ, черезъ три недѣли сталъ совершенно другимъ, значительно увеличившись. Я не ожидала, что примѣненіе метода такое простое, между тѣмъ, какъ результатъ достигается столь поразительный. Теперь я имѣю возможность носить открытыя платья. Тысячу разъ благодарю Васъ и благодарю за Ваши совѣты и указанія“.

М-лге Г., Харьковъ, 5, XI. „Дорогая Жанна! Вотъ уже двѣнадцать дней, какъ я начала слѣдовать Вашимъ указаніямъ. Мои вялыя, опущенныя груди стали упругими, какъ у моей младшей сестры, которой я всегда завидовала. Чувствую себя превосходно, всѣ манипуляціи продѣлываю безъ всякой посторонней помощи. Скоро буду въ Москвѣ и тогда лично расцѣлю Васъ. Не рассчитывала, что въ 35 лѣтъ достигну желаемой цѣли“.

Г-жа Т., Петербургъ, 7, XI. „Послѣ двухнедѣльнаго примѣненія Вашего комплекта я положительно во восторгѣ отъ достигнутаго результата. Въ моемъ возрастѣ—мнѣ 39 лѣтъ—успѣхъ прямо чудесный. Мой бюстъ былъ не только малъ, но и совершенно мягкій. Теперь же превратился въ упругій, хорошо упитанный и развитый формы, являющія болѣе не видно, словомъ, я несказанно рада и прямо не знаю какъ благодарить Васъ. Спасибо за Ваше дружеское отношеніе ко мнѣ“.

Для опубликованія всѣхъ полученныхъ мною отзывовъ не хватило бы даже мѣста въ этомъ изданіи. Полные адреса клиентокъ я не указываю, ибо нахожу это недѣлительнымъ. Напротивъ, я гарантирую соблюденіе полной тайны переписки мною и заявляю, что даже отзывы съ сокращенными фамиліями помѣщаю не иначе какъ съ разрѣшенія уважаемыхъ клиентокъ. Итакъ, способъ быстрого преобразованія бюста найденъ. Поэтому, зачѣмъ страдать, когда Ваше горе такъ легко и быстро можно устранить, — и тѣмъ скорѣе, чѣмъ ранѣе Вы прибѣгнете къ моей помощи. Не откладывайте Вашего рѣшенія и пишите мнѣ сегодня же, какъ другу, готовому осуществить Вашу заветную мечту, ибо рѣшимость — лучший кузнецъ счастья и удачи. Помните, что совершенство бюста—это могущество каждой изъ насъ. Мой способъ — методъ ГРЕНЬЕ—пользуется самымъ широкимъ распространеніемъ во всѣхъ культурныхъ странахъ міра, и вызвалъ массу подражаній, въ особенности во Франціи, противъ которыхъ я искренне предостерегаю. Поэтому, во избѣжанію ошибки, запомните мой адресъ:

ЖАННА ГРЕНЬЕ,

Москва, Петровка, д. „Якорь“, кв. 49, отд. 220, а также

нигдѣ болѣе не имѣю ни посредниковъ, ни перепродавцовъ, ни представителей. Превосходное дѣйствіе подлиннаго метода Гренье подтверждается нотаріально засвидѣствованными документами. Мои проспекты выдаются бесплатно, а высылаются за три марки по 7 коп. въ закрытомъ конвертѣ, безъ обозначенія моего имени, чтобы сохранить Вашу переписку со мною въ секретѣ. Къ услугамъ уважаемыхъ посетительницъ имѣется особый, совершенно изолированный приемная, открытая отъ 10-ти час. утра до 6-ти час. вечера ежедневно, кромѣ праздниковъ.

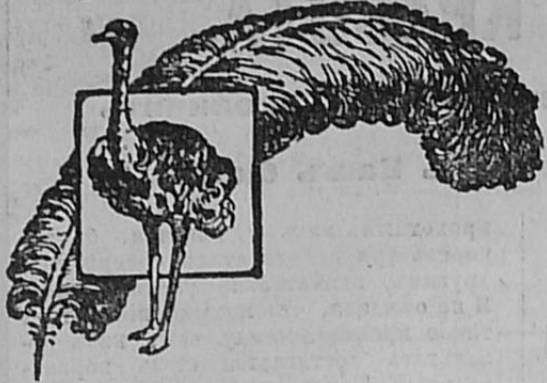
Телефонъ 272-96.

37231

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІЯ

общедост. ЗАОЧНЫЕ самообраз. ПРОГР: 2-ая итальян. и америк. коммерч. ариеметика, комм. корреспонд., комм. географ., товаровѣд., словарь комм. словъ, курсъ правописанія, каллигр., конт. скороп., исправл. почерка. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА, Отзвѣвы изв. спец. благод. письма. Льготн. услов. Прогр. пробн. лекц. выс. **БЕЗПЛАТНО** Книг. „Круг. Самообр“. Спб., Невскій 92-11

Африканскія страусовыя перья!

Милліоны дамъ желаютъ украшать свои шляпы страусовыми перьями, но не перья таковыя были доступны по цѣнѣ. Наши роскошныя страусовыя перья доступны всѣмъ. За такую баснословную цѣну, какъ 1 р. 50 к., Вы получаете изящное перо длиною 40 см., лучшаго сорта длиною 50 см. 2 руб., самаго высокаго качества 60 см. 3 руб. Наши перья можно носить десять лѣтъ, переключивая съ одной шляпы на другую, и они всегда изящны. За пересылку причитывается 35 коп. При заказѣ 3-хъ перьевъ сразу пересылка за счетъ фирмы. Высылаются наложен. платежомъ по почтѣ. Адресовать: Главн. Предст. А. Живу, Лодзь.

Политехнич. Институтъ
4 курса въ году. Предметная система. Отдѣл. машин., электр., отопл. и вентил., гавов. освѣщеніе, архит., желѣзо-бетонъ, желѣзн. конструкц. Механика и начерт. геометр. по-русски. 1685 слух.: 6 лаборат. Программа высыл. по перв. треб. Адр.:

Polytechnisches Institut Strelitz i. Meckl.

СТРЕЛИЦ

2 часа отъ Берлина. 96234 25-21

ПРОШУ СЛОВА

(ЗАСТОЛЬНЫЯ РѢЧИ И СПИЧИ).

Нѣтъ человѣка, котор. не предст. бы случай высказать вслухъ волнующія его чувства, выразить привѣтствіе, пожеланія и т. д. Очень много людей, въ мысляхъ хранящ. нектош. источн. прекрасн. оборот., не могущ. вслухъ высказать и пары обыден. фразъ, душевно завидуютъ своимъ сосѣдямъ-ораторамъ, сумѣвш. 2—3-ми удачн. фразами заслужить всеобщ. одобреніе и похвалу. Предлаг. книга „ПРОШУ СЛОВА“ идетъ навстрѣчу всѣмъ, поставлен. въ такія неудобн. условія. Въ ней кажд. найдетъ все его интересующ. Кажд. долж. запастись этой интер. и полезн. книгой. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. и налож. плат. 1 р. 75 к. Для выгоды заказч. высыл. съ налож. платеж. и безъ зад. Требов. адресовать: Ш. ШТЕЙНВАСЕРУ, ВАРШАВА, Броварная, № 4.—47.

Заочные **ГИТАРА** Тюмень, ж.
уроки **ТАБАКА** Тоб. губ. о
бесплатно **АФРОМЪВУ.**

Плуги „М. и Ф. Дутиковы“
87205 смотр. журналъ „НИВА“ № 31. 4-1

УНИЧТОЖАЕТ МОЗОЛИ С КОРНЕМ.
МОЗОЛИН 35к.
РЕЙНГЕРЦ
ОСТЕРЕГ. ПОДЪЛ. ПРОД. ВЕЗДѢ
ФАБР. СПБ. 10 РОЖДЕСТВ. 24.

90 руб.
въ мѣсяцъ

заработка для всѣхъ при удобной домашней работѣ. Разстояніе не мѣшаетъ. Условія высылаемъ **бесплатно** (5)
МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ, Варшава, Новгородская, 9—12.

Waterman's Ideal Fountain Pen

ИДЕАЛЬНОЕ самопитающее перо ВАТЕРМАНА.

Благодаря ложкообразному питателю получается равномерное теченіе чернилъ отъ главнаго резервуара до самаго кончика пера. Переливаніе совершенно устранено; тѣмъ не менѣе снабженіе пера чернилами происходитъ какъ разъ въ необходимой пропорціи, въ зависимости отъ того, пишете ли Вы быстро или медленно. Требуется немедленно „Идеальное перо Ватермана съ ложкообразнымъ питателемъ.“

Можно получать во всѣхъ писчебумажныхъ и ювелирныхъ магазинахъ.

Л. и К. ГАРДУТЬ, Лимитедъ, Лондонъ, Англія.

СЪ ДЫМЪ ВОЛОСАМЪ

возвращаетъ натуральный цвѣтъ и мягкость

ВОЗСТАНОВИТЕЛЬ „ОРИАНТИНЪ“

фирмы Parfumerie d'Orient.
Примѣненіе этого безподобнаго средства очень простое. Множество самыхъ лестн. отзывовъ. Прокается по **3 р. (двойная коробка 5 р.)** въ парфюмерн. магазинахъ, или высылаютъ налож. платеж. В. Жолновскій, Варшава, п. л. 440.
Главные склады въ Петербургѣ: В. Бюлеръ, Невскій пр., Чекушкинъ и К^о, Садовая, Русское Общество Т. А. Т. Москвѣ: Н. Г. Зяминъ, Софійск. Тов. В. К. Феррейнъ.

Остерегайтесь подражаній.

ПАВЕЛЬ БУРЕ
Поставщикъ Двора Его Величества

С-ПЕТЕРБУРГЪ: Невскій пр. 23 | МОСКВА: Кузнецк. м. уг. Неглинн.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ № 106 БЕСПЛАТНО.

ПРОТИВЪ ОЖИРѢНІЯ МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ
ПО РЕЦЕПТУ ПРОФЕССОРА ДОКТОРА
МЕДИЦИНЫ РИТТЕРА ФОНЪ-БАШЪ

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ ПРИ ПОКУПКѢ ПРОСЯТЪ ОБРАЩАТЬ ОСОБЕ ВНИМАНІЕ НА ИМЯ БАША

МАРИЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ ПРЕВОСХОДЯТЪ ЦѢЛЕСООБРАЗНОЮ ДОЗИРОВОКЮ ВСѢ РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ДЛЯ ПОДОБНЫХЪ ЦѢЛЕЙ ПРЕПАРАТЫ.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ

СКИДКА ДО **75%** СО СТОИМОСТИ

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГЪ книжный складъ „**ФЕНИКСЪ**“

МОСКВА, ДОНСКАЯ УЛ., СОБ Д № 42—6.

Состоится подъ августѣйшимъ покровительствомъ государыни императрицы **АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ**

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО Императорскаго Человѣколюбиваго Общества

для сбора пожертвованій на ремесленное образованіе сѣдлыхъ дѣтей

ПРОСИТЬ всѣхъ жертвовать **НЕУЖНЫЯ** вещи обременяющія всякое хозяйство **СОБИРАЕТЪ ТОЛЬКО ТО, ЧТО НИКОМУ НЕ НУЖНО.**

Просить ничего не смигать и ничего не бросать въ мусорныя ямы, все будетъ принято съ благодарностью.

По каждому требованію присылаетъ артельщика, который обязанъ жертвователю выдавать квитанцію, какъ бы мало пожертвованіе не было.

Тарасовъ пер., 26-а.

СТИМУЛОЛЬ Д-РА ГЛАЗА
для радикальнаго леченія **ПОЛОВОЙ НЕВРАСТЕНІИ (БЕЗСИЛІЯ)** по новому научному методу

Стимулоль—наилучшій нервозостановитель, способствующій усиленному питанію и укрѣпленію расшатанной нервной системы

ПОЛОВАЯ СЛАБОСТЬ во всѣхъ ея видахъ и проявленіяхъ поддается успешному леченію **Стимулолемъ.**

Стимулоль Д-РА ГЛАЗА

клинически провѣренное средство, удостоившееся наилучшихъ отзывовъ специалистовъ-врачей и примѣняющееся въ санаторіяхъ для нервныхъ больныхъ.

ПРОДАЕТСЯ въ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ. Главн. складъ для Россіи **ИНСТИТУТА Д-РА КАЛЬВЕ** МОСКВА, Срѣтенка, 4. Отд. 46/5.